

БРЮССЕЛЬСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ

1874 г.

Ө. Ө. МАРТЕНСА, ¹⁾

ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Въ исторіи не только международныхъ отношеній, но и самой Россіи, конференція, созванная нынѣшнимъ лѣтомъ, въ Брюсселѣ, по почину нашего правительства, займетъ, безъ сомнѣнія, весьма почетное мѣсто. Вопросы, подлежащіе обсужденію конференціи, касаются самыхъ насущныхъ интересовъ европейскихъ народовъ, и потому совершенно естественно то вниманіе, съ которымъ въ Европѣ слѣдили за всѣми извѣстіями, до нея относящимися. Инициатива Россіи, вызванная искреннѣйшимъ желаніемъ ограничить бѣдствія войны посредствомъ точнаго опредѣленія взаимныхъ правъ и обязанностей воюющихъ государствъ, была вообще встрѣчена общественнымъ мнѣніемъ Европы и иностранными державами съ чувствами глубокаго уваженія и симпатіи. Однако, съ другой стороны, отчасти вслѣдствіе новости дѣла, отчасти вслѣдствіе непониманія его, гуманнѣйшій починъ нашего правитель-

¹⁾ Ө. Ө. Мартенсъ былъ въ числѣ русскихъ делегатовъ на брюссельской конференціи.

Ред.

ства не избѣгъ также недоброжелательнаго толкованія его мотивовъ. Въ нѣкоторыхъ, хотя и весьма немногихъ, органахъ иностранной печати глубокомысленные публицисты не удовольствовались разборомъ фактической стороны дѣла, какъ ее понимаетъ всякій здравомыслящій человекъ, но выбивались изъ силъ открыть какія-то таинственныя цѣли и комбинаціи, которыми будто бы было вызвано предложеніе Россіи. Все эти предположенія относительно потаенныхъ намѣреній, въ предложеніи нашего правительства, должны были однако разсѣяться. Такихъ намѣреній нѣтъ и быть не могло.

Когда, въ половинѣ іюля мѣсяца, открылась конференція, и въ одномъ изъ самыхъ первыхъ своихъ засѣданій постановила не разглашать никакихъ свѣдѣній о ходѣ преній, пока не окончатся ея труды, тогда въ печати стали появляться самые невѣроятные слухи о совершенной неудачѣ конференціи. Послѣ опубликованія въ французской газетѣ „République française“ протоколовъ первыхъ двѣнадцати засѣданій, въ европейской журналистикѣ раздались голоса, что затѣянное Россією дѣло окончательно рушилось, въ виду невозможности примирить противоположныя воззрѣнія, высказавшіяся на брусельской конференціи.

При подобныхъ сужденіяхъ о брусельской конференціи, въ которыхъ явно выступаетъ полнѣйшее непониманіе цѣли, преслѣдуемой Россією, и задачи самой конференціи, точно определенной по взаимному соглашенію европейскихъ государствъ, намъ кажется не излишнимъ сдѣлать въ настоящей статьѣ попытку содѣйствовать установленію болѣе правильнаго на нее взгляда. Если намъ удастся положить конецъ разнаго рода опасеніямъ и ложнымъ толкамъ, которые проникли даже и въ наше общество, то цѣль наша будетъ вполне достигнута.

Въ виду этой цѣли мы постараемся прежде всего выяснитъ мысли, легшія въ основаніе русскаго проекта и вызвавшія его; затѣмъ мы намѣрены указать на попытки кодификаціи, сдѣланныя въ новѣйшее время вообще и Россією въ частности, и прослѣдить ходъ дипломатическихъ переговоровъ, предшествовавшихъ открытію брусельской конференціи. Наконецъ мы позволимъ себѣ коснуться въ краткихъ чертахъ главнѣйшихъ вопросовъ, подлежавшихъ ея обсужденію.

Для исполненія этой программы мы воспользуемся всеми свѣдѣніями и данными, получившими гласность.

I.

Едва ли мы ошибемся, полагая что послѣдняя франко-германская война послужила причиною, хотя бы только внѣшнюю, созванія брюссельской международной конференціи для опредѣленія дѣйствительно обязательныхъ военныхъ законовъ и обычаевъ. Война эта, между двумя изъ наиболѣе образованныхъ европейскихъ націй, стоила имъ неисчислимыхъ жертвъ и наложила на побѣжденную сторону такія тягости, подъ гнетомъ которыхъ она находится и до сихъ поръ. Но война эта самымъ нагляднымъ образомъ доказала, до какой свирѣпости и жестокости могутъ доходить даже во второй половинѣ XIX вѣка народы, въ разгарѣ возбужденныхъ войною страстей.

Въ продолженіе всей войны, обѣ воюющія стороны не переставали обвинять другъ друга въ самыхъ варварскихъ поступкахъ, противныхъ всѣмъ военнымъ законамъ и обычаямъ, признаваемымъ обязательными всѣми цивилизованными государствами. Эти законы, выработавшіеся въ теченіе вѣковъ, весьма часто не соблюдались ни тою, ни другою воюющею стороною, и потому вызывали постоянныя репрессаліи, грозившія довести войну до самаго крайняго варварства, немыслимаго въ нашъ вѣкъ. Города, не защищенные никакими укрѣпленіями, подвергались со стороны непріятеля обстрѣливанію; частныя лица, непринимавшія никакого дѣятельнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, подвергались насиліямъ; частная собственность раззорялась умышленно, безъ всякой военной надобности. Наконецъ вольные стрѣлки (*franc-tireurs*), принимавшіе участіе въ правильной войнѣ противъ врага отечества, подвергались, со стороны непріятеля, если они желали пользоваться правами воюющей стороны, такимъ условіямъ, какія не оправдываются ни обычаями, ни военною необходимостью, ни наукою.

Съ военноплѣнными обращались иногда въ этой войнѣ какъ съ уголовными преступниками, ихъ ссылали и содержали въ мѣстахъ заключенія (напр. въ Алжирѣ); въ парламентаровъ стрѣляли, и даже женевскій флагъ, обезпечивающій неприкосновенность лазаретовъ и лицъ врачебнаго персонала, неоднократно подвергался нападенію и посмѣянію.

Таковы факты, которые приводились обѣими воюющими сторонами другъ противъ друга, и нѣтъ сомнѣнiя, что они еще болѣе должны были увеличить взаимную ихъ ненависть и вражду. Къ сожалѣнiю, германское и французское правительства не только обвиняли другъ друга во всевозможныхъ злоупотребленiяхъ и правонарушенiяхъ, но сверхъ того постоянно расходились въ разрѣшенiи главнаго вопроса: что дѣйствительно обязательно для цивилизованныхъ народовъ во время войны? Какiе международные военные обычаи и законы, на самомъ дѣлѣ, выработались до новѣйшаго времени и должны быть соблюдаемы государствами, входящими въ составъ европейской международной системы?

Разрѣшить этотъ вопросъ оказалось, во время войны, совершенно невозможнымъ. Каждая сторона ссылалась на „несомнѣнность“ даннаго правила, на „вѣковое его существованiе“ и на авторитеты науки международного права. Между тѣмъ иногда трудно было отыскать убѣдительныя данныя въ пользу „несомнѣнности“ военного закона, на который ссылались, а весьма часто было легче указать противнику на достовѣрные факты, подтверждающiе и оправдывающiе поведенiе каждой стороны. Что же касается „общепризнанныхъ авторитетовъ“ науки международного права, то обѣимъ воюющимъ сторонамъ не трудно было находить у одного и того же авторитета, и иногда на одной и той же страницѣ, положенiя, признающiя правильными распоряженiя каждой изъ нихъ. Однимъ словомъ, стоитъ только обратиться къ дипломатической перепискѣ, которая происходила во время войны между германскимъ канцлеромъ и гр. Шодорди, бывшимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ турецкой делегацiи¹⁾, чтобъ убѣдиться, до какой стѣпени шатки и противорѣчивы были мнѣнiя германскаго и французскаго правительствъ о своихъ взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ.

Теперь понятно будетъ, до какой степени это обстоятельство должно влiять на взаимное ожесточенiе воюющихъ нацiй и какiе глубокие и неизгладимые слѣды, оно естественно должно было оставить даже послѣ окончанiя войны. Взаимная ненависть воюющихъ народовъ принимаетъ все большiе и большiе размѣры,

¹⁾ Revue du droit international et de législation comparée, 1870, № IV, p. 643 et suiv.; 1871, № II, p. 288 et suiv.

когда они совершенно расходятся во взглядах на взаимныя свои права и обязанности. Наконецъ, если война длится болѣе продолжительное время, то воюющія стороны послѣдовательно могутъ придти къ отрицанію всякихъ международныхъ обычаевъ и правилъ, ограничивающихъ излишній произволъ и устраняющихъ грубыя насилія. Самыя священныя права и отношенія могутъ при такихъ условіяхъ быть нарушаемы, благодаря репрессивнымъ мѣрамъ, къ которымъ вынуждена будетъ прибѣгнуть каждая изъ воюющихъ сторонъ.

Но помимо этого, имѣется еще другая причина варварскаго характера современныхъ войнъ. Всѣ послѣднія войны доказывали, что европейскія государства неустанно, не щадя никакихъ матерьяльныхъ жертвъ, стараются развивать техническія приспособленія для нанесенія непріятелю наибольшаго вреда, въ наискратчайшее время. Всякаго рода изобрѣтенія, направленные къ этой цѣли, всегда удостоивались вниманія со стороны правительствъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при всеобщемъ вооруженіи государствъ и колоссальномъ увеличеніи наступательной силы нѣкоторыхъ изъ нихъ, заботы о вооруженіи своихъ армій, напр. о наилучшемъ усовершенствованіи ружей, совсѣмъ законны и естественны.

Но, намъ кажется, что рядомъ съ этимъ, государства должны разрѣшить еще другую задачу: точно опредѣлить поведеніе, права и обязанности войскъ во время войны вообще и на непріятельской территоріи въ частности. Крайне необходимо, чтобъ каждое войско положительно знало, какія оно имѣетъ права и обязанности въ отношеніи къ вооруженному непріятелю и къ мирнымъ жителямъ на его территоріи. Словомъ сказать, въ мирное время, государства не только обязаны позаботиться о постоянной готовности къ бою своихъ войскъ и о вооруженіи ихъ по всѣмъ требованіямъ новѣйшаго опыта и науки, но также и обучить ихъ правамъ и обязанностямъ въ отношеніи непріятельскаго государства и его подданныхъ.

Между тѣмъ новѣйшій опытъ неопровержимо доказалъ, что арміи двухъ воюющихъ націй, стоящихъ безъ сомнѣнія на высшей степеніи цивилизаціи, не имѣли почти никакого понятія о своихъ правахъ и обязанностяхъ въ отношеніи другъ друга, и на занятой непріятельской территоріи. Не только нижніе чины, но и начальствующія лица рѣшительно не знали, каковы ихъ обязанности во время войны и какіе законы и обычаи должны быть

соблюдаемы. Поэтому высшее начальство обѣихъ воюющихъ сторонъ вынуждено было обнародывать всякаго рода прокламаціи, инструкціи и приказы, въ которыхъ объясняются войскамъ начала, обязательныя для веденія войны. Но совершенно понятно, что такъ какъ провозглашенныя этими прокламаціями правила не могли войти въ плоть и кровь воюющихъ армій, для которыхъ они были большею частью совершенно новы, то они очень часто и даже умышленно не исполнялись. Такой результатъ внезапныхъ прокламацій, издаваемыхъ только въ моментъ возникновенія войны, тѣмъ болѣе естественъ, что главное обезпеченіе въ исполненіи какихъ-либо международныхъ военныхъ законовъ, въ отношеніи непріятели, заключается въ томъ, чтобъ они находились въ *сознаніи* самихъ дѣйствующихъ лицъ. Въ области международныхъ отношеній нѣтъ и не можетъ быть какого-либо верховнаго суда, могущаго творить расправу надъ государствами, а въ разгарѣ военныхъ дѣйствій бываетъ даже физически невозможно немедленно преслѣдовать правонарушителя или преступника. Но если установленныя правила или законы постоянно, во всякое время, внушаются войскамъ, если они входятъ въ кругъ предметовъ ихъ обученія, и отчетливое знаніе ихъ обязательно для всѣхъ, безъ исключенія, защитниковъ отечества, тогда въ нихъ можетъ утвердиться твердое сознаніе своихъ правъ и обязанностей въ отношеніи непріятельскойскаго государства и мирныхъ его подданныхъ. Такое сознаніе и вытекающія изъ него убѣжденія послужатъ однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для ограниченія бѣдствій войны и устраненія ненужныхъ страданій.

Но намъ могутъ возразить, что содержаніе военныхъ законовъ и обычаевъ и даже самое существованіе ихъ подвержены спорамъ, которые не разрѣшены даже на основаніи авторитетовъ науки международного права, и что потому слишкомъ затруднительна для правительствъ задача опредѣленія военныхъ международныхъ правилъ и введенія ихъ въ кругъ военнаго образованія.

Противъ этого можно замѣтить прежде всего, что какъ европейскія государства обыкновенно при началѣ войны торжественно объявляютъ о тѣхъ началахъ, соблюденіе которыхъ обязательно для ихъ войскъ, то они очевидно находятъ возможнымъ указать на такіе военные международные обычаи, относительно существованія которыхъ не можетъ быть допущено сомнѣнія. Затѣмъ

еслибъ государства, въ мирное время, свободныя отъ того крайняго возбужденія страстей, какое бываетъ на войнѣ, согласились между собою относительно опредѣленія обязательныхъ для ихъ войскъ правилъ, то при искреннемъ желаніи ограничить военный произволь и излишнее насиліе, они навѣрно достигли бы цѣли. Добиться же, во время войны, одинаковаго взгляда на военные обычаи, оказывается несравненно болѣе труднымъ, между прочимъ потому, что часто воюющее правительство отрицаетъ обязательную силу даннаго правила, чтобъ только не быть вынужденнымъ осудить дѣйствія своихъ подчиненныхъ, которые иногда совершаютъ правонарушеніе, вовсе того не сознавая.

Сверхъ этого нельзя не замѣтить, что послѣдняя война показала, что даже формальные международные договоры, заключенные воюющими сторонами на случай войны, бываютъ нарушаемы, и притомъ не по злой волѣ, но просто потому, что дѣйствующія войска не имѣютъ никакого объ нихъ понятія. Женевская Конвенція 1864 г., обязательная для Германіи и Франціи, не всегда обезпечивала условленную неприкосновенность раненныхъ и больныхъ войскъ, врачей и лазаретовъ. Обвинять же французскихъ солдатовъ въ нарушеніи постановленій Женевской Конвенціи очевидно нельзя, если правительство Наполеона III, подписавъ эту конвенцію, не находило нужнымъ ни объявить ея содержаніе своимъ войскамъ, ни включить ее въ воинскій наказъ или инструкцію для войскъ.

Всѣ вышеприведенные факты и соображенія не могли ускользнуть отъ вниманія правительствъ и лицъ, слѣдящихъ за ходомъ международныхъ отношеній. Но вслѣдъ за окончаніемъ франко-германской войны европейскія государства были заняты только изученіемъ пробѣловъ и недостатковъ въ организаціи вооруженныхъ своихъ силъ, обнаруженныхъ войною. Вся Европа стала вооружаться и всѣ великіе европейскіе народы готовиться къ новой борьбѣ, которая во всякую минуту можетъ разразиться. Между тѣмъ, чѣмъ глубже коренится взаимная ненависть націй, чѣмъ многочисленнѣе будутъ вооруженныя массы воюющихъ государствъ и чѣмъ ожесточеннѣе будутъ европейскія войны, тѣмъ очевиднѣе необходимость подумать о средствахъ, которыя могли бы сколько нибудь смягчить страшныя бѣдствія будущихъ вѣроятныхъ столкновеній народовъ. Достигнуть этой цѣли очевидно нельзя посредствомъ одного увеличенія смертоносныхъ орудій и армій. Между тѣмъ ни одно изъ европейскихъ государствъ, го-

товящихся къ борьбѣ, не задало себѣ до сихъ поръ вопроса: нѣтъ ли какого либо средства ограничить неминуемыя страданія, сопряженныя съ каждою войною и поставить предѣлы произволу воюющихъ сторонъ?

Франко-германская война и исторія всѣхъ войнъ неопровержимо доказываютъ, что единственнымъ дѣйствительнымъ къ этому средствомъ, при современныхъ международныхъ отношеніяхъ, можетъ быть точное опредѣленіе взаимныхъ правъ и обязанностей воюющихъ государствъ и ихъ вооруженныхъ силъ. Если будутъ наконецъ выяснены права воюющихъ сторонъ въ отношеніи другъ къ другу, на занятой непріятельской территоріи и въ отношеніи мирнаго ея населенія, если будутъ приняты надлежащія мѣры, чтобъ каждый воинъ точно зналъ свои обязанности, тогда во время войны немыслимы нескончаемые споры о существованіи и дѣйствительномъ смыслѣ военныхъ международныхъ законовъ, и тогда незнаніе ихъ со стороны войска не имѣетъ ни малѣйшаго оправданія.

Въ самомъ дѣлѣ, посредствомъ *кодификаціи* международныхъ военныхъ законовъ и обычаевъ, сами государства могутъ положить предѣлы ненужнымъ насиліямъ во время войны и дѣйствительнымъ образомъ охранять жизнь и собственность мирныхъ гражданъ, не принимающихъ прямаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Кодифицируя отношенія, возникающія вслѣдствіе войны между войсками и невооруженными мирными подданными воюющихъ государствъ, правительства внесутъ силу закона въ ту область, въ которой до послѣдняго времени почти неограниченно господствовали произволъ и насиліе. Только *право* можетъ быть средствомъ для ограниченія произвола и устраненія излишнихъ бѣдствій войны, и вотъ почему попытка точно опредѣлить взаимныя права и обязанности воюющихъ сторонъ представляется истинно гуманнымъ начинаніемъ, согласнымъ съ благомъ всѣхъ народовъ.

Вотъ та великая задача, которую себѣ поставила Россія, представляя на усмотрѣніе европейскихъ государствъ проектъ конвенціи о военныхъ законахъ и обычаяхъ, и приглашая ихъ назначить своихъ уполномоченныхъ для обсужденія его на международной конференціи въ Брюсселѣ.

Въ вышеизложенномъ, мы старались указать на соображенія, которыми по всей вѣроятности былъ вызванъ починъ нашего правительства. Но для лучшаго уразумѣнія поднятаго вопроса намъ

кажется необходимымъ выяснить, въ какой связи находится инициатива нашего правительства къ однороднымъ попыткамъ, съдѣланнымъ въ новѣйшее время для ограниченія бѣдствій войны, и на сколько она согласна съ преданіями русской политики вообще.

II.

Необходимость кодифицировать не только законы и обычаи войны, но и всю область международного права высказывалась неоднократно мыслителями, филантропами и государственными людьми. Но въ особенности отношенія воюющихъ сторонъ и взаимныя права и обязанности ихъ, постоянно требовали точнаго и юридическаго ихъ опредѣленія для ограниченія бѣдствій войны. Стремленіе смягчить, на сколько возможно, страданія, непосредственно вытекающія изъ международныхъ войнъ, до такой степени соответствуетъ духу нашего времени, что всякій шагъ, приближающій къ этой цѣли, всегда былъ встрѣчаемъ искреннимъ сочувствіемъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Поэтому когда въ 1862 г. швейцарскій гражданинъ Дюнанъ издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Un souvenir de Solferino“, въ которомъ онъ описываетъ всѣ ужасы, видѣнные имъ лично на полѣ битвы при Сольферино, тогда ему не трудно было обезпечить за своимъ предложеніемъ о нейтрализаціи лазаретовъ и раненныхъ и больныхъ воиновъ, симпатіи всего цивилизованнаго міра. Въ 1864 г. была подписана Женевская Конвенція, принесшая безъ сомнѣнія огромную пользу воюющимъ сторонамъ и облегчившая въ значительной степени участь десятковъ тысячъ раненныхъ и больныхъ.

Однако не смотря на чрезвычайно благотворное вліяніе Женевской Конвенціи, всетаки постановленія ея не всегда строго исполнялись воюющими сторонами и въ особенности во время послѣдней войны. Намъ кажется, что нарушенія Женевской Конвенціи объясняются двумя главными причинами: во-первыхъ, незнакомствомъ войскъ съ ея содержаніемъ, и во-вторыхъ, крайнею неопредѣленностью и недостаточностью ея постановленій, если разсматривать ее на основаніи опыта новѣйшихъ войнъ. Поэтому пересмотръ Женевской Конвенціи оказывается необходимымъ и неотложнымъ.

Иначе поняли опытъ послѣдней войны „Международный комитетъ для вспоможенія раненымъ и больнымъ“, находящійся въ Женевѣ, и само швейцарское правительство. Почтенный президентъ этого комитета, г. Муанье, — къ дѣятельности котораго можно относиться только съ чувствомъ глубочайшаго уваженія, — выработалъ проектъ, въ которомъ предлагается учредить международный судъ для немедленнаго преслѣдованія всякаго нарушителя постановленій Женевской Конвенціи. Судъ долженъ состоять изъ 5 членовъ, изъ которыхъ двоихъ назначаютъ сами воюющія стороны, а остальныхъ трехъ выбираютъ нейтральныя державы. При самомъ началѣ какой-либо войны, президентъ Швейцарскаго союза обязанъ, посредствомъ жребія, указать на три нейтральныя державы изъ принявшихъ Женевскую Конвенцію, которыя, съ своей стороны, обязаны назначить трехъ членовъ трибунала. Таковъ составъ суда, которому подлежало бы разбирательство всѣхъ дѣлъ, начатыхъ воюющими сторонами по обвиненію въ нарушеніи Женевской Конвенціи. На заинтересованныя же правительства возлагалась проектомъ обязанность оказывать всевозможное содѣйствіе для отысканія виновнаго и выясненія истины. Наконецъ, если трибуналъ убѣдится въ виновности подсудимаго, то онъ долженъ постановить свой приговоръ и опредѣлить наказаніе, руководствуясь международнымъ уголовнымъ кодексомъ, составленіемъ котораго прежде всего должны были заняться европейскія державы. Что же касается исполненія рѣшенія, то оно было признано „обязательнымъ“ для государства, противъ подданнаго котораго рѣшеніе было постановлено. ¹⁾

Этотъ проектъ женевского комитета былъ въ 1872 г. сообщенъ швейцарскимъ правительствомъ на усмотрѣніе всѣхъ европейскихъ державъ, съ приглашеніемъ назначить уполномоченныхъ для обсужденія его на международной конференціи.

Однако бросающіяся въ глаза несообразности этого проекта и невозможность его принятія заставили европейскія правительства отклонить предложеніе Швейцаріи, и только одно правительство изъявило свое согласіе на назначеніе уполномоченнаго. Предложеніе установить надъ независимыми государствами судъ, рѣшеніямъ котораго они бы подчинялись, обнаруживаетъ незна-

¹⁾ Revue de droit international et de législation comparée, 1872, № II, p. 325 et suiv.

комство съ практической стороною современныхъ международныхъ отношеній. Для того, чтобъ проектированныйъ трибуналъ имѣлъ бы какое-либо серьезное значеніе и чтобъ авторитетъ его не подвергался осмѣянію, необходимо обезпечить дѣйствительное исполненіе его рѣшеній. Но этого именно условія не достаетъ проектированному суду. Кромѣ того, нельзя не замѣтить, что основныя законы или конституціи большинства европейскихъ государствъ категорически запрещаютъ предавать своихъ подданныхъ суду, имѣющему пребываніе на чужой территоріи и большинство членовъ котораго иностранцы. Въ виду этихъ существенныхъ возраженій предложеніе швейцарскаго правительства не могло имѣть успѣха, хотя всѣ державы относились съ полнѣйшимъ уваженіемъ къ основной цѣли проекта.

По времени, въ тѣсной связи съ инициативою Россіи находится другая попытка смягчить бѣдствія войны посредствомъ опредѣленія правъ и обязанностей воюющихъ сторонъ.

Всякому извѣстно, что ни въ одной войнѣ не было захвачено въ плѣнъ столько людей, какъ въ послѣдней. Въ Германіи находилось около четырехъ сотъ тысячъ французовъ, которыхъ необходимо было содержать подъ надзоромъ, кормить и даже одѣвать. На основаніи личнаго нашего наблюденія, мы должны сказать, что съ французами-военноплѣнными вообще обращались въ Германіи весьма гуманно. Но всетаки между военноплѣнными и германскими начальствами неоднократно возникали споры и недоразумѣнія о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, германскія власти принимали такія строгія мѣры въ отношеніи къ военноплѣннымъ, которыя не оправдывались ни необходимостью, ни современнымъ правомъ войны. Съ другой стороны, военноплѣнные часто заявляли о такихъ требованіяхъ, на которыя германское начальство согласиться не могло, не компрометируя общественной безопасности и тишины.

Въ виду незавидной участи военноплѣнныхъ, справедливыя требованія которыхъ германскія власти иногда не въ состояніи были тотчасъ исполнить, въ нейтральныхъ и даже воюющихъ государствахъ возникли частныя общества для оказанія вспоможенія военноплѣннымъ. Послѣ окончанія войны во Франціи образовалось подобное же общество, которое поставило себѣ еще болѣе возвышенную цѣль.

Въ 1872 г. въ Парижѣ было основано „Общество для улучшенія участи военноплѣнныхъ“ (Société pour l'amélioration du

sort des prisonniers de guerre). Въ числѣ покровителей этого общества находится нашъ соотечественникъ князь А. А. Суворовъ-Рымникскій, графъ Италійскій; предсѣдатель его графъ Худетотъ (Houdetot). Членами его состоятъ нѣкоторые государственные люди и консулы Германіи, Соединенныхъ Штатовъ, Южной Америки, Австріи, Даніи, Испаніи, Франціи, Великобританіи, Греціи, Италіи, Нидерландовъ, Швеціи, Норвегіи и Швейцаріи. Швейцарскій членъ г. Дюнанъ, вмѣстѣ съ тѣмъ исполняетъ должность „международнаго секретаря“ Общества. Но нельзя не прибавить, что члены Общества не были уполномочены быть официальными представителями своихъ государствъ. Общество это имѣетъ совершенно частный характеръ.

Немедленно послѣ своего учрежденія, парижское Общество приступило къ исполненію своей задачи: составить проектъ устава, опредѣляющаго точнымъ образомъ права и обязанности военнопленныхъ. Въ началѣ настоящаго года, исполнительный комитетъ представилъ Обществу проектъ, могущій служить основаніемъ для международнаго устава о военнопленныхъ.¹⁾ Проектъ этотъ состоитъ изъ 147 статей, весьма подробно опредѣляющихъ права и обязанности военнопленныхъ и государства, на территоріи котораго они находятся. Въ проектѣ разрѣшается прежде всего вопросъ: кто можетъ подвергнуться военному плѣну; затѣмъ слѣдуютъ постановленія о пощадѣ лицъ, положившихъ оружіе, о неприкосновенности раненныхъ и частной собственности, о надзорѣ надъ военнопленными, содержаніи ихъ и освобожденіи на слово, объ обмѣнѣ военнопленныхъ и транспортѣ ихъ и т. д.

Таково приблизительно содержаніе проекта вышеупомянутаго Общества, который въ мартѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года былъ препровожденъ предсѣдателемъ Общества на заключеніе европейскихъ державъ, вмѣстѣ съ предложеніемъ назначить уполномоченныхъ для обсужденія его на конгрессѣ въ Брюсселѣ. Въ Петербургѣ онъ былъ полученъ въ концѣ марта мѣсяца, когда нашимъ правительствомъ былъ уже составленъ другой проектъ, обнимающій всѣ главные вопросы права войны. Такъ какъ дипломатическіе переговоры по этому проекту уже были начаты Россією съ иностранными державами, то послѣднія тотчасъ согласились принять

¹⁾ Projet pouvant servir de base à un règlement international relatif aux prisonniers de guerre.

основаніемъ для совѣщаній на международномъ конгрессѣ по этому предмету русской проектъ. ¹⁾ Въ виду этого обстоятельства „Общество для улучшенія участи военнопленныхъ“ само взяло назадъ свой проектъ, который однако находился въ рукахъ каждаго члена Брюссельской конференціи, благодаря несомнѣннымъ своимъ достоинствамъ. Дѣйствительно, только съ чувствомъ уваженія и можно отнестись какъ къ дѣятельности парижскаго Общества вообще и къ выработанному имъ проекту въ особенности. Проектъ этотъ не есть только повтореніе и улучшеніе знаменитыхъ Сѣверо-Американскихъ „Инструкцій“, которыхъ мы ниже коснемся, но заключаетъ въ себѣ и нѣсколько новыхъ началъ, вполне гуманныхъ и достойныхъ вниманія. Таѣ, между прочимъ, весьма интересно основное постановленіе всего проекта, заключающееся въ томъ, что всѣ военнопленные находятся подъ покровительствомъ представителей нейтральныхъ державъ, аккредитованныхъ при воюющихъ государствахъ. Точно также статьи, касающіяся заложниковъ, шпионовъ, поголовнаго ополченія (*levée en masse*), судебного преслѣдованія военнопленныхъ, за совершенные ими проступки и преступленія, проникнуты челоѣколюбіемъ и уваженіемъ къ неотъемлемымъ правамъ челоѣческой личности.

Но, съ другой стороны, нельзя не сказать, что проекту этому присущи также нѣкоторые важные недостатки, сильно вредящіе практическому его значенію. Во-первыхъ, почти половина всѣхъ статей проекта имѣетъ своимъ предметомъ вопросы, непосредственно касающіеся внутренней военной администраціи государствъ. Сюда относятся въ особенности статьи 86 до 147, въ которыхъ опредѣляется размѣръ жалованья (*solde*), слѣдующаго военнопленнымъ отъ непріятельскаго государства, во власти котораго они находятся; внутреннее устройство депо для военнопленныхъ, переноска ихъ съ родственниками и посылка имъ денегъ и журналовъ и т. п. Едва ли мы ошибаемся, полагая, что подобнымъ вопросамъ нѣтъ мѣста въ международномъ какомъ-либо трактатѣ, и едва ли государства согласятся регламентировать, въ международномъ договорѣ, всѣ полицейскія мѣры, принимаемыя ими въ отношеніи военнопленныхъ.

¹⁾ Въ депешѣ нашего государственнаго канцлера къ князю Орлову 6-го апрѣля, французское Общество извѣщается о намѣреніи нашего правительства, и вмѣстѣ съ тѣмъ приглашается отложить обсужденіе представленнаго имъ проекта до того времени, когда въ рукахъ европейскихъ державъ будетъ русский проектъ, болѣе обширный, но менѣе подробный относительно военнопленныхъ.

Кромѣ того въ проектѣ встрѣчаются цѣлыя отдѣлы, никакъ не подходящіе подъ его заглавіе и противорѣчащіе началамъ науки международного права. Напримѣръ въ статьѣ 38 и слѣд. опредѣляются права и обязанности нейтральныхъ государствъ, въ случаяхъ нарушенія неприкосновенности ихъ территорій воюющими войсками, перешедшими нейтральную границу. Нѣтъ сомнѣнія, что это постановленіе нисколько не на мѣстѣ въ спеціальномъ и международномъ уставѣ о военнопленныхъ. Если же оно внесено въ проектъ на томъ основаніи, что войска воюющихъ государствъ, застигнутыя на нейтральной почвѣ, должны также находиться подъ надзоромъ мѣстной власти, и потому называются въ проектѣ „военнопленными“, то это несовсѣмъ правильно, такъ какъ о „военнопленныхъ“, въ юридическомъ смыслѣ, можетъ быть рѣчь исключительно между воюющими государствами. Войска воюющихъ державъ, переступившія границы нейтральнаго государства, должны быть послѣднимъ обезоружены, и подчиняются всѣмъ полицейскимъ мѣрамъ, принимаемымъ для того, чтобы препятствовать обращенію нейтральной территоріи въ театръ военныхъ дѣйствій. Но эти войска никакъ не находятся въ военномъ плѣну у государства, не принимающаго никакого участія въ войнѣ. На этомъ основаніи вышеприведенныя статьи французскаго проекта нельзя не признать неумѣстными. Точно также и нѣкоторыя другія статьи распространяются по вопросамъ, небывающимъ въ непосредственной связи съ юридическимъ положеніемъ военнопленныхъ.

Изъ вышеизложеннаго видно, насколько сознавалась необходимость позаботиться о средствахъ, могущихъ положить предѣлы раззореніямъ и насиліямъ, имѣющимъ мѣсто на войнѣ. Однако ни предположеніе женеваго комитета, ни проектъ парижскаго общества не достигали всѣми сознаваемой цѣли: первое было слишкомъ непрактично, послѣдній, еслибъ подвергся серьезному обсужденію, со стороны правительствъ, оказался бы въ окончательномъ результатѣ только уставомъ о военнопленныхъ.

Такимъ образомъ ни однимъ изъ частныхъ обществъ, основанныхъ для гуманизированья войны, и ни однимъ изъ европейскихъ правительствъ не было сдѣлано, до самаго послѣдняго времени, даже попытки опредѣлить всѣ военные международные законы и совокупность всѣхъ правъ и обязанностей воюющихъ государствъ. Между тѣмъ уже въ 1863 г. Соединенные Сѣверо-Американскіе Штаты впервые, путемъ кодификаціи

всѣхъ военныхъ законовъ и обычаевъ, существенно ограничили произволъ своихъ собственныхъ армій и обезпечили уваженіе жизни и собственности мирнаго и невооруженнаго населенія.

Во время послѣдней междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ, когда взаимная крайняя ненависть приверженцевъ сѣверныхъ и южныхъ штатовъ стала принимать крайніе размѣры и обнаруживалась въ неслыханныхъ злодѣяніяхъ, тогда президентъ Линкольнъ для умирненія возбужденныхъ страстей, напомнимъ своимъ воинамъ объ ихъ обязанности уважать даже въ непріятель челоуѣческую его личность и достоинство. По порученію Линкольна, извѣстный публицистъ и профессоръ Нью-Йоркскаго университета Либеръ (умершій въ 1873 г.) составилъ проектъ устава международныхъ военныхъ законовъ и обычаевъ, имѣющихъ общепризнанную силу. Этотъ проектъ былъ вслѣдъ затѣмъ разсмотрѣнъ въ комисіи изъ военныхъ, и наконецъ, обнародованъ въ формѣ „Полевыхъ инструкцій для армій Соединенныхъ Штатовъ“ (*Instructions for the Government of the United States in the field*). Инструкціи эти состоятъ изъ 157 статей и ими опредѣляются, между прочимъ: предѣлы и существо военной власти на непріятельской территоріи; отношенія къ частнымъ лицамъ, частной и государственной собственности; охрана интересовъ религіи, искусства и науки въ завоеванной странѣ, и т. п. Слѣдовательно эти инструкціи представляютъ первый примѣръ кодификаціи законовъ и обычаевъ войны.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что эта первая правительственная попытка выяснить для войскъ обязательныя для нихъ на войнѣ юридическія начала существенно содѣйствовала гуманному и правильному веденію войны со стороны сѣверныхъ штатовъ. Но какъ ни отраденъ этотъ примѣръ вашингтонскаго правительства и какъ ни благодѣтельны были послѣдствія принятой Линкольномъ мѣры, все-таки ни одно изъ европейскихъ правительствъ, не смотря на жестокія войны, бывшія въ Европѣ послѣ 1863 г., не попыталось слѣдовать по тому же пути. Сѣверо-американскія инструкціи дали только новый и сильный толчекъ научнымъ попыткамъ кодифицировать всю область международного права. ¹⁾

¹⁾ Превосходныя сочиненія *Bluntschli* (*Das moderne Völkerrecht der civilisirten Staaten als Rechtsbuch dargestellt*. Nördlingen 1872, 2-te Aufl.) и *Dudley-Field* (*Draft. Outlines of an International Code*. New-York. 1872), были вызваны трудомъ Либера.

Въ такомъ положеніи находился разсматриваемый вопросъ до начала нынѣшняго года, пока Россія не выступила съ „Проектомъ конвенціи о военныхъ законахъ и обычаяхъ“ и пригласила всѣ европейскія державы назначить уполномоченныхъ для обсужденія его.

Починъ Россіи въ этомъ дѣлѣ не только дастъ ей право на благодарность всѣхъ народовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтствуетъ наилучшимъ преданіямъ русской національной политики. Дѣйствительно, мы не знаемъ въ Европѣ державы, которая, на основаніи своей исторіи, имѣла бы болѣе право и обязанность брать на себя инициативу въ лучшемъ и всестороннемъ выясненіи спорныхъ началъ международнаго права. Въ доказательство, мы укажемъ на нѣкоторые извѣстные и неизвѣстные факты изъ исторіи международныхъ отношеній Россіи.

Подобно тому какъ до настоящаго времени права и обязанности воюющихъ государствъ составляютъ предметъ постоянныхъ споровъ и взаимныхъ обвиненій во время войны, точно также права нейтральныхъ народовъ подвергались въ прошломъ столѣтіи самымъ разнообразнымъ толкованіямъ и постоянно нарушались. Если нейтральные народы настаивали на признаніи неотъемлемаго своего права продолжать торговлю съ воюющими государствами, то напротивъ нѣкоторые изъ послѣднихъ признавали себя въ правѣ воспретить нейтральнымъ всякія торговыя сношенія съ ихъ непріятелемъ. Особенно произвольными дѣйствіями въ отношеніи нейтральной торговли постоянно отличалась Англія, опирающаяся на свое могущество на морѣ. Англійскіе каперы не уставали захватывать нейтральныя суда и найденная на нихъ собственность, принадлежащая подданнымъ непріятельскаго государства, всегда признавалась законнымъ призомъ англійскими же судьями. Между тѣмъ почти всѣ остальные государства постоянно провозглашали, какъ несомнѣнный международный законъ, что нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскій грузъ. Кромѣ того, блокаду нейтральныя державы признавали обязательною, если ею дѣйствительно преграждался путь въ блокируемое мѣсто. Великобританія же, напротивъ, просто объявляла нейтральнымъ правительствомъ, что берега или гавани противника ея блокированы, не выставляя однако никакихъ военныхъ силъ для прегражденія къ нимъ доступа. На всѣ протесты нейтральныхъ державъ, на всѣ ихъ жалобы, что поведеніе Англіи совершенно противорѣчить всѣмъ общепризнаннымъ началамъ международнаго права

и даже трактатамъ, ею же заключеннымъ, с.-джемскій кабинетъ всегда отвѣчалъ, что такихъ общепризнанныхъ принциповъ нѣтъ и потому обязательной силы они не имѣютъ. Совершенно нестерпимы, стали англійскіе каперы въ особенности во время войны, приведшей къ объявленію политической независимости англійскихъ американскихъ колоній въ 1776 г.

Чтобъ положить конецъ всякимъ сомнѣніямъ относительно правъ нейтральной торговли и предѣлъ насиліямъ могущественной Англіи, императрица Екатерина II обнародовала знаменитую декларацію, отъ 28-го февраля 1780 г., въ которой она пригласила европейскія державы соединиться къ поддержанію слѣдующихъ началъ: 1) нейтральные корабли свободно могутъ продолжать торговлю съ воюющими государствами; 2) непріятельская собственность подъ нейтральнымъ флагомъ признается неприкосновенною; 3) предметами военной контрабанды признаются только исчисленные въ статьяхъ 10 и 11 трактата 1766 г. Россіи съ Англіею и 4) для дѣйствительности блокады требуется явная опасность нарушить ее.

Провозгласивъ эти „вѣчныя и наиболѣе справедливыя“ начала, императрица Екатерина II заключила вслѣдъ затѣмъ съ отдѣльными европейскими державами конвенціи, на основаніи которыхъ договаривающіяся стороны торжественно признаютъ обязательную силу вышеприведенныхъ принциповъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обязываются защищать ихъ всѣмъ своимъ могуществомъ и силою противъ всякаго нарушителя ихъ. Такія совершенно одинаковыя конвенціи заключила Россія съ Пруссіею, Австріею, Даниею, Швеціею, Франціею, Испаніею и т. д. Приступленіе какой либо державы къ этому союзу „вооруженнаго нейтралитета“ составляло для Екатерины II истинное удовольствіе, потому что она видѣла въ этомъ союзѣ свое „дѣтище“ (enfant), развитію котораго она желала посвятить себя вполне. Когда императоръ римскій Іосифъ II, актомъ отъ 9-го октября 1781 г., приступилъ къ вооруженному нейтралитету, императрица, въ собственноручномъ письмѣ отъ 27-го октября 1781 г., высказала ему по этому поводу свою радость въ слѣдующихъ словахъ: „Вслѣдствіе приступленія Вашего Императорскаго Величества къ вооруженному нейтралитету, сдѣланнаго Вами согласно моему желанію и за что я чувствую себя вѣчно Вамъ обязанною, Ваше Императорское Величество, на глазахъ всей Европы, не только дали Высочайшее свое утвержденіе справедливымъ началамъ, обезпечи-

вающимъ право нейтральныхъ народовъ на независимость морской торговли, но начиная съ этого момента я счастлива, что могу назвать себя Вашею союзницею — чего я уже давно желала и что въ настоящую минуту также дорого моему сердцу.

Эти немногія слова вполне доказываютъ, какую цѣну придавала императрица провозглашеннымъ ею началамъ. Не смотря на явное противодѣйствіе со стороны Англіи, Екатерина II не только не имѣла намѣренія отречься отъ нихъ, но старалась еще болѣе идти впередъ на проложенномъ ею пути. Она стремилась къ тому, чтобъ на конгрессѣ, на которомъ должно было состояться заключеніе мира между Англіею и ея противниками, эти принципы были бы также провозглашены, какъ обязательные международные законы. Но извѣстно, что Англіи удалось заключить отдѣльный миръ съ своими врагами и предупредить такимъ образомъ созваніе опаснаго для нея международного конгресса. Мало того, на основаніи имѣющихся у насъ подъ рукою еще необнародованныхъ архивныхъ источниковъ, мы можемъ положительно утверждать, что императрица Екатерина II долго занималась мыслию составить *общенародный кодексъ*, въ которомъ были бы опредѣлены обязательныя для всѣхъ народовъ, во время морской войны, правила. Императрица повелѣла своему правительству собрать всѣ свѣдѣнія о томъ, какія начала господствуютъ у иностранныхъ народовъ, на случай морской войны, и какія приняты у нихъ въ виду ея мѣры. Это повелѣніе было исполнено, и 10-го марта 1782 г. графу Кобенцлю, цесарскому посланнику въ С.-Петербургѣ, былъ врученъ: „Exposé comparatif de différens arrangemens pris par les Puissances neutres et belligérantes pour la sûreté du Commerce et de la Navigation neutres“. Въ этомъ документѣ изложены законодательныя и административныя мѣры, принятыя во Франціи, Даніи, Испаніи и другихъ государствахъ для обезпеченія свободы торговыхъ сношеній и правъ нейтральныхъ народовъ. Сообщенъ же былъ этотъ „Exposé“ австрійскому посланнику потому, что Екатерина II имѣла полное право надѣяться на содѣйствіе ближайшаго своего союзника, Иосифа II, въ достиженіи преслѣдуемой ею цѣли: кодифицировать международные морскіе законы и обычаи.

Ни императоръ Иосифъ II, ни знаменитый его министр иностранныхъ дѣлъ князь Кауницъ не были въ состояніи понять восторгъ, съ которымъ императрица преслѣдовала свою возвышен-

ную цѣль ¹⁾, но все-таки необходимость угождать ей всѣми средствами заставила ихъ также заняться изученіемъ вопросовъ морскаго международнаго права. Этимъ объясняется почему дипломатическіе переговоры между с.-петербургскимъ и вѣнскимъ дворами по этому вопросу продолжались еще въ теченіе 1782 г. Въ отвѣтъ на сообщенный австрійскому кабинету „Exposé“, графъ Кобенцль, на конференціи 22-го іюня 1782 г., вручилъ вице-канцлеру графу Остерману цѣлое сочиненіе, составленное въ Вѣнѣ и подробно излагающее различныя теоріи морскаго международнаго права. Сочиненіе это, хранящееся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, носитъ слѣдующее подробное заглавіе: „Réflexions sur la Liberté des Mers en général et spécialement sur les Droits des Nations neutres, relativement au Commerce et à la Navigation, pendant que d'autres Puissances se font la guerre, ainsi que sur les moyens qu'il pourroit y avoir pour mettre ces Droits dans une telle évidence que les Intérêts particuliers ne puissent y opposer aucune interprétation arbitraire“.

Однако, къ сожалѣнію, Екатерина II не удалось исполнить свой грандіозный планъ, достойный того высокаго положенія, которое Россія уже въ концѣ прошлаго столѣтія занимала въ системѣ европейскихъ державъ. Съ одной стороны, неблагоприятныя политическія обстоятельства, съ другой, смѣлыя политическія комбинаціи самой императрицы нисколько не благопріятствовали всестороннему обсужденію и принятію началъ, легшихъ въ основаніе системы вооруженнаго нейтралитета. Кромѣ того, нельзя не замѣтить, что Англія также не упускала изъ виду ни одного средства, чтобъ воздвигнуть противъ императрицы всевозможныя преграды на пути къ поставленной ею цѣли.

Дѣйствительно англійское правительство и тогдашній замѣчательный по своимъ талантамъ англійскій посланникъ въ С.-Петербургѣ, сэръ Джемсъ Гаррисъ, (впослѣдствіе лорда Мальмсбэри), не уставали защищать произвольныя дѣйствія англійскихъ крейсеровъ и утверждать, что декларация Россіи актъ, въ высшей степени, враждебный въ отношеніи къ Англіи ²⁾. Въ депешѣ тогдашняго англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ

¹⁾ Справ. *Ber. Joseph II, Leopold II und Kaunitz*. Wien. 1872. S. 105.

²⁾ *Diaries and Correspondence of James Harris, First Earl of Malmesbury* etc. London. 1845, t. I, p. 258, 260.

лорда Стормонта къ Гаррису, отъ 11 апрѣля 1780 г., доказы-
вается, что провозглашенныя императрицею начала противорѣ-
чать международному праву, и потому, неосновательны. Въ
пользу этого мнѣнія благородный лордъ ссылается на нѣкоторые
современные ему авторитеты науки, но въ особенности на самихъ
англійскихъ юристовъ и призовыхъ судей. Но все эти упреки
и доказательства не въ состояннн были заставить Екатерину II
отказаться отъ своего намѣренія заключить союзъ вооруженнаго
нейтралитета. На этомъ основаннн мы полагаемъ, что если ан-
глійскій посланникъ, передавая пресловутый разговоръ, который
онъ имѣлъ съ императрицею 7 (18) декабря 1780 г. ¹⁾, осо-
бенно напираетъ на слова ея, что „Neutralité armée“ есть не
болѣе, какъ „Nullité armée“, желаетъ видѣть въ этомъ дока-
зательство, на сколько мало серьезнаго значенія сама Екатерина II
придавала затѣянному ею дѣлу, то онъ очевидно впалъ въ
крупную ошибку. Екатерина II въ этомъ крайне любопытномъ
разговорѣ представила новое доказательство изумительнаго сво-
его искусства обвораживать собесѣдника посредствомъ ничего не
значущихъ уступокъ его убѣжденіямъ и желаніямъ, чтобъ въ
концѣ концовъ направить его на путь къ преслѣдуемой ею са-
мою цѣли. Такъ случилось и въ этомъ случаѣ: сэръ Гаррисъ
очень обрадовался названію „вооруженнаго нейтралитета“ „во-
оруженною ничтожностью“, не замѣчая того, что императрица
однако нѣсколько разъ повторяетъ о твердомъ своемъ рѣшеніи
составить предположенный союзъ нейтральныхъ державъ.

Союзъ дѣйствительно былъ составленъ, но развитію провоз-
глашенныхъ деклараціею началъ въ международномъ кодексѣ
помѣшали смѣлые планы Екатерины II насчетъ Оттоманской
имперіи.

Великая инициатива императрицы не осталась однако безъ
рѣшительнаго вліянія на отношенія воюющихъ государствъ къ
нейтральнымъ народамъ. Начала деклараціи 1780 г. пріобрѣли
право гражданства въ международныхъ отношеніяхъ, и наконецъ,
въ 1856 г., на парижскомъ конгрессѣ, они торжественно были
провозглашены обязательными правилами для государствъ, под-
писавшихъ и впоследствии принявшихъ декларацію парижскую
о вопросахъ морскаго международного права.

¹⁾ Diaries and Correspondence of Sir James Harris, t. I, p. 304.

Въ вышеупомянутомъ нельзя не видѣть сколь много общихъ чертъ между политикою императрицы Екатерины II на пользу правильнаго развитія международныхъ отношеній и починомъ современной намъ Россіи въ вопросѣ о кодификаціи военныхъ законовъ и обычаевъ. Разница между ними заключается прежде всего въ томъ, что въ 1780 г. вниманіе русскаго правительства было исключительно обращено на морскую войну, а въ настоящее время на сухопутную. Затѣмъ, если намѣренія императрицы Екатерины II не вполне могли осуществиться, главнымъ образомъ вслѣдствіе другихъ ея замысловъ, исполненіе которыхъ поглощало въ теченіе долгаго времени все ея вниманіе, то напротивъ достиженію преслѣдуемой современною Россіею цѣли не представляются подобныя препятствія: окончательный успѣхъ зависитъ отъ нея. Россія не преслѣдуетъ въ настоящее время никакой иной цѣли, какъ поддерживать миръ въ отношеніяхъ международныхъ и противодѣйствовать всякой попыткѣ къ его нарушенію. Занимая нынѣ еще болѣе выгодное и высокое мѣсто между европейскими державами, Россія обладаетъ всеми средствами для достиженія окончательной своей цѣли. Наконецъ цѣль эта, — кодифицировать военные международные обычаи, — не только совершенно согласна съ блестящими преданіями екатерининской эпохи, но также съ недавнимъ прошлымъ русской политики.

Не позже какъ шесть лѣтъ тому назадъ, въ 1868 году, Россія обратилась ко всѣмъ европейскимъ державамъ съ приглашеніемъ запретить употребленіе на войнѣ разрывныхъ пуль (въ-сомъ не ниже извѣтнаго *minimum'a*), которыя только причиняютъ излишнія страданія, не способствуя военнымъ цѣлямъ. Эта мысль совершенно ясно и опредѣленно выражена въ запискѣ, препровожденной г. военнымъ министромъ къ государственному канцлеру отъ 4 мая 1868 г., которая послужила основаніемъ послѣдующихъ дипломатическихъ переговоровъ съ иностранными державами.

„Война“, говорится между прочимъ въ этомъ историческомъ актѣ, „есть неизбѣжное зло, которое желательно сдѣлать сколь возможно менѣе жестокимъ для человѣчества“, на этомъ основаніи „воюющія стороны ни въ какомъ случаѣ не должны допускать болѣе зла, чѣмъ нужно для достиженія цѣли“, ибо „всѣ страданія и всякій наносимый ущербъ, которые не ослабляютъ противника, бесполезны и не должны быть допускаемы“. Эти-же

мысли приведены въ деклараціи, подписанной въ С.-Петербургѣ 29 ноября 1868 г., на основаніи которой всѣ главнѣйшія европейскія державы обязываются не употреблять въ своихъ арміяхъ разрывныхъ пуль вѣсомъ меньше 400 граммъ.

Если принять въ соображеніе эти новѣйшіе факты и заявленія Россіи, то нельзя не сознаться, что созваніе брусельской конференціи является только звеномъ въ цѣпи историческихъ событій и совершенно послѣдовательнымъ развитіемъ предшествовавшей русской политики. Мысль, устранить посредствомъ опредѣленія взаимныхъ правъ и обязанностей воюющихъ сторонъ всѣ безполезныя страданія войны, получила формальное выраженіе въ проектѣ конвенціи, сообщенной всѣмъ европейскимъ державамъ при циркулярѣ отъ 17 апрѣля 1874 г. „Чѣмъ болѣе“, сказано въ циркулярѣ, „развивается въ настоящее время солидарность, предназначенная приблизить и соединить народы, какъ членовъ одной общей семьи, чѣмъ болѣе, съ другой стороны, военная ихъ организація имѣетъ назначеніемъ придать ихъ распрямъ характеръ борьбы между вооруженными націями, тѣмъ болѣе оказывается необходимымъ опредѣлить точнѣе, чѣмъ до сихъ поръ, законы и обычаи, согласные съ состояніемъ войны, для того, чтобъ ограничить ея послѣдствія и уменьшить ея бѣдствія, на сколько это возможно и желательно. Въ виду этой цѣли кажется необходимымъ, посредствомъ взаимнаго соглашенія, установить правила, которыя должны быть обязательны какъ для самихъ правительствъ, такъ и ихъ армій, на основаніи полнѣйшей взаимности.“

Вотъ тѣ мысли, которыя легли въ основаніе русскаго проекта, долженствовавшаго служить только исходною точкою для „послѣдующихъ обсужденій“ и „приготовить почву для общаго соглашенія“.

III.

Хотя на основаніи только-что приведенныхъ словъ циркуляра нашего правительства, русскій проектъ долженъ былъ служить только точкою исхода, и потому, могъ подвергаться всякаго рода измѣненіямъ и улучшеніямъ на брусельской конференціи, все-таки онъ заслуживаетъ самъ по себѣ нѣкотораго

вниманія, какъ правительственная попытка кодификаціи правилъ войны.

Мы не станемъ дѣлать здѣсь подробный его анализъ и подвергать его критическому разбору.

Мы хотимъ только выяснитъ, въ общихъ чертахъ, содержаніе русскаго проекта и указать на тѣ затрудненія, которыя были при его составленіи.

Весь русскій проектъ раздѣляется на четыре отдѣла: I-ый, — о правахъ воюющихъ сторонъ въ отношеніи другъ друга; II-ой, — о правахъ воюющихъ сторонъ въ отношеніи частныхъ лицъ; III-й, — о сношеніяхъ между воюющими сторонами и, наконецъ, IV-ый, — о репрессаліяхъ.

Первый отдѣлъ содержитъ въ себѣ 7 главъ, въ которыхъ говорится: 1) о военной власти на непріятельской территоріи, 2) о томъ, кто долженъ считаться воюющею стороною и о комбатантахъ (воюющихъ лицахъ) и некомбатантахъ (невоюющихъ); 3) о дозволенныхъ и недозволенныхъ средствахъ вредить непріятелю; 4) объ осадѣ и бомбардированіи; 5) о шпіонахъ; 6) о военнопленныхъ и 7) о некомбатантахъ и раненныхъ. Во *второмъ* отдѣлѣ опредѣляется: во-1-хъ, власть военная въ отношеніи къ частнымъ лицамъ, и во-2-хъ, вопросъ о реквизиціяхъ и контрибуціяхъ.

Затѣмъ *третій* отдѣлъ касается средствъ сообщенія между воюющими сторонами, парламентаровъ и капитуляцій. *Послѣдній* же отдѣлъ состоитъ всего только изъ трехъ статей. Во всемъ проектѣ 71 статья. Наконецъ для полноты слѣдуетъ еще прибавить, что въ самомъ началѣ проекта поставлены 5 общихъ началъ, въ которыхъ выраженъ основной взглядъ на международную войну, какъ онъ неоднократно былъ высказанъ въ актахъ правительственныхъ и господствуетъ въ наукѣ международного права. Весьма вѣроятно, что цѣль этихъ общихъ положеній заключалась только въ томъ, чтобъ предупредить всякое сомнѣніе относительно исключительно гуманнаго взгляда и намереній, вызвавшихъ проектъ. Поэтому они едва-ли могли быть предметомъ какихъ либо преній на брусельской конференціи.

Обращаемся теперь къ рассмотрѣнію задачи, которая главнѣйше имѣлась въ виду при составленіи проекта; разрѣшеніе ея не могло быть особенно легко, если принять въ соображеніе по-

вость самаго дѣла и недостаточную прочность нѣкоторыхъ началъ, на которыя иногда ссылались въ послѣднихъ войнахъ воюющія державы. Поэтому, по необходимости, пришлось, на основаніи критической оцѣнки дѣйствительно веѣми выработанныхъ международныхъ военныхъ обычаевъ, формулировать ихъ болѣе точнымъ образомъ. Слѣдовательно русскій проектъ долженъ былъ не изобрѣтать *новыхъ* правилъ для войны, не имѣющихъ основанія ни въ практикѣ, ни въ теоріи, но только выяснить тѣ начала, которыя дѣйствительно выработались путемъ обычая и имѣютъ въ свою пользу наиболѣе убѣдительныя доказательства. Поэтому, если русскому проекту ставили въ упрекъ, что въ немъ нѣтъ „ничего новаго“, то это обстоятельство только подтверждаетъ, что онъ дѣйствительно выставилъ такія положенія, которыя согласны съ правосознаніемъ современныхъ народовъ и съ установившимися здравыми воззрѣніями на войну, что каждый свѣдущій человекъ находитъ въ немъ только правила, давно ему извѣстныя. Если проектъ, представленный нашимъ правительствомъ на усмотрѣніе европейскихъ державъ, на самомъ дѣлѣ только сводъ общепризнанныхъ международныхъ военныхъ законовъ и обычаевъ, то при составленіи его избѣгнута первая опасность, заключающаяся въ томъ, что въ него могли быть включены постановленія, совершенно новыя, никѣмъ еще не приложенныя къ военнымъ дѣйствіямъ. Задача каждаго законодателя или кодификатора состоитъ именно въ изученіи дѣйствительныхъ жизненныхъ отношеній и находить для нихъ соотвѣтствующія юридическія нормы или законы.

Но исполняя эту свою первую задачу и опредѣляя юридически конкретныя отношенія, существующія въ дѣйствительной жизни, законодатель имѣетъ еще другую обязанность. Онъ обязанъ критически и сознательно относиться къ регламентируемымъ отношеніямъ и находить имъ такія выраженія или нормы, которыя наиболѣе согласны съ прогрессивнымъ и правильнымъ ихъ развитіемъ. Поэтому, не только не должно насиловать реальныхъ отношеній новымъ закономъ, новою нормою права, но эта норма должна служить условіемъ дальнѣйшаго ихъ движенія и развитія.

Тому же самому требованію долженъ былъ удовлетворить русскій проектъ конвенціи о международныхъ военныхъ законахъ и обычаяхъ. Опредѣливъ юридически отношенія между воюющими государствами, такимъ образомъ, какъ они существовали и будутъ

существовать, пока международная война существенно не измѣнитъ своего характера, проектъ долженъ былъ также удовлетворить справедливыя требованія относительно ограниченія бѣдствій войны; онъ долженъ быть шагомъ впередъ на пути къ осуществленію провозглашаемой наукою цѣли: обратить войну въ борьбу исключительно между правильно организованными силами воюющихъ государствъ.

Но эта именно сторона кодификаціи военныхъ обычаевъ и международныхъ отношеній представляется наиболѣе трудною. Въ желаніи удовлетворить человѣколюбивымъ наклонностямъ нашего времени и отвращенію, внушаемому войною просвѣщенной части европейскаго общества, весьма легко можно было увлечься разными филантропическими пожеланіями, до такой степени, что составленный проектъ вышелъ бы крайне гуманенъ, прогрессивенъ и „либераленъ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ неудобоисполнимъ. Подобная кодификація военныхъ обычаевъ не привела бы ни къ чему и не имѣла бы ни малѣйшаго практическаго результата. Въ самомъ дѣлѣ, законы или обычаи войны для того, чтобъ быть исполняемы на практикѣ, во время войны, необходимо должны согласоваться съ неизбежными ея требованіями и интересами. Въ области международныхъ отношеній, ни въ мирномъ ихъ состояніи, ни тѣмъ менѣе въ непріязненномъ, нѣтъ международной власти, могущей слѣдить за исполненіемъ принятыхъ правилъ. Поэтому гарантію примѣненія этихъ правилъ служить, съ одной стороны, фактическая возможность ихъ исполненія войсками и, съ другой, выработавшіяся въ нихъ *сознаніе* и *убѣжденіе*, что исполняя эти правила они не компрометируютъ свою собственную жизнь, но значительно ограничиваютъ безполезныя страданія и опустошенія, обыкновенно связанныя съ войною. На этомъ основаніи проектъ международной военной конвенціи, въ который были бы включены всевозможныя гуманныя и бесспорно превосходныя принципы, чрезъ примѣненіе которыхъ однако воюющее государство рисковало бы собственнымъ своимъ существованіемъ и жизненными интересами, нисколько не содѣйствовало бы достиженію поставленной цѣли: устранить ненужныя страданія войны. Поэтому, пока будутъ происходить войны, нельзя отказать арміямъ въ правѣ позаботиться о своей собственной безопасности и объ успѣхѣ своихъ операцій. Требовать же противнаго, напр. чтобъ воюющія войска на непріятельской территоріи не принимали никакихъ репрессивныхъ мѣръ противъ лицъ, ко-

тория то удостовѣряють въ мирныхъ своихъ намѣреніяхъ, то изъ засады стрѣляютъ въ непріятельскія войска, значить не имѣть понятія о войнѣ. Мало того, филантропическія пожеланія, не имѣющія ни малѣйшаго основанія въ реальной жизни, если будутъ внесены въ международный военный уставъ, на дѣлѣ навѣрно приведуть прямо къ совершенно противоположной цѣли, ибо войска, убѣдившись въ полнѣйшей невозможности этихъ постановлений, оставляють безъ вниманія и всѣ остальные. Слѣдовательно, въ концѣ концовъ страданія войны нисколько не были бы ограничены, и народы продолжали бы бѣдствовать, какъ прежде, благодаря тому, что составленный международный уставъ написанъ „не для міра сего“.

Если разсматривать русскій проектъ съ этой точки зрѣнія, то, судя по отзывамъ вполне компетентныхъ людей, онъ избѣгъ этой опасности. ¹⁾ Въ немъ дѣйствительно встрѣчаются постановленія, не вполне еще принятыя современною военною практикою, но которыя удовлетворяють совершенно законнымъ и гуманнымъ стремленіямъ, и исполненіе которыхъ не требуетъ отъ войскъ какихъ либо сверхчеловѣческихъ добродѣтелей. Къ такого рода постановленіямъ относятся: статья 8-я о неприкосновенности собственности церквей, богоугодныхъ заведеній и вообще всѣхъ сооружений, посвященныхъ научнымъ и художественнымъ цѣлямъ; затѣмъ статьи (11 - 13), относящіяся до недозволенныхъ средствъ войны; ст. 16-я о бомбардированіи городовъ; ст. 51-я, провозглашающая неприкосновенность частной собственности и т. п.

На основаніи вышеизложеннаго мы полагаемъ, что сообщенный Россією иностраннымъ державамъ проектъ военной конвенціи дѣйствительно могъ съ пользою служить базисомъ для обсужденія на международной конференціи вопросовъ права войны, тѣмъ болѣе, что само наше правительство впередъ объявило о своемъ согласіи принимать въ соображеніе всѣ измѣненія или улучшенія, которыя впослѣдствіи окажутся необходимыми.

¹⁾ См. напр. соч. проф. *Lueder*. Der neueste Codifications-Versuch auf dem Gebiete des Völkerrechts. Erlangen, 1874, S. 13: «Der Entwurf ist mit grosser Umsicht, mit sehr rühmenswerther Kenntniss der einschlagenden völkerrechtlichen Fragen und Verhältnisse, mit sachverständigem Urtheil und mit grosser Gewissenhaftigkeit ausgearbeitet worden und zieht eine grosse Anzahl wichtiger und namentlich solcher kriegsrechtlicher Fragen in seinen Bereich, welche im letzten grossen Kriege Anlass zur Controverse gegeben haben».

IV.

Рѣшившись принять на себя инициативу въ вопросѣ о кодификаціи военныхъ законовъ и обычаевъ, Россія немедленно обратилась къ другимъ европейскимъ державамъ съ предложениемъ соединиться съ нею въ дѣлѣ осуществленія великой задачи, о которой мечтали лучшіе умы прошлаго и нынѣшняго столѣтій. Соглашеніе съ иностранными державами насчетъ обязательности кодифицированныхъ въ русскомъ проѣктѣ военныхъ обычаевъ совершенно необходимо, для того, чтобъ выставленные въ немъ начала получили бы примѣненіе на войнѣ. Въ основаніи обязательнаго исполненія международныхъ законовъ лежитъ принципъ взаимности (*le principe de réciprocité*), поэтому необходимо, чтобъ обѣ воюющія стороны признавали обязательную силу однихъ и тѣхъ же правилъ.

Но вполнѣ сознавая крайнюю необходимость принятія провозглашенныхъ Россією началъ другими заинтересованными государствами, мы, въ то же время, полагаемъ, что эта цѣль можетъ быть достигнута троякимъ образомъ. Каждый изъ этихъ трехъ путей находится въ тѣсной связи съ остальными, и послѣдній изъ нихъ представляется, на нашихъ глазахъ, наиболѣе цѣлесообразнымъ и желательнымъ, но въ то же время связаннымъ съ наибольшими препятствіями.

Во-первыхъ, Россія могла бы ограничиться тѣмъ, что торжественнымъ образомъ обнародовала бы свой уставъ военныхъ законовъ и обычаевъ, какъ обязательный для русскихъ войскъ во время войны со всеми государствами, которыя впередъ объявляютъ о своемъ согласіи предписывать своимъ войскамъ тѣ же правила въ отношеніи русскихъ армій и подданныхъ. Въ такомъ случаѣ иностранныя державы, желающія обезпечить въ войнѣ съ Россією за своими подданными права и преимущества, провозглашаемыя нашимъ правительствомъ, были бы вынуждены присоединиться къ сдѣланной имъ деклараціи. Въ противномъ случаѣ, русскія войска могли бы предположить, что непріятель, не желающій придерживаться провозглашенныхъ правительствомъ гуманыхъ и общепризнанныхъ въ войнахъ между цивилизованными народами началъ, намѣренъ вести войну варварскую, не

ограниченную никакими соображеніями. Поведеніе нашихъ войскъ соотвѣтствовало бы, въ такомъ случаѣ, поведенію непріятельскихъ. Такъ напр. въ ст. 221 итальянскаго коммерческаго кодекса сказано: „Захватъ военными кораблями купеческихъ судовъ непріятельскаго государства отиѣняется, на основаніи взаимности, въ отношеніи державъ, принявшихъ такую же мѣру относительно итальянскаго коммерческаго флота“ ¹⁾. Слѣдовательно Италия, провозглашая принципъ неприкосновенности частной собственности, во время войны на морѣ, обязывается примѣнять его только къ такимъ государствамъ, которыя согласны также руководствоваться этимъ гуманнѣмъ началомъ.

Второй путь состоитъ въ томъ, что Россія сообщила бы свой проектъ всѣмъ иностраннымъ державамъ безъ исключенія, но сначала постаралась бы только добиться формальнаго соглашенія съ тѣми державами, съ которыми оно наиболѣе вѣроятно, въ виду общности политическихъ интересовъ и военной организаціи. Предположимъ, на примѣръ, что великія военныя державы Европы совершенно согласны съ постановленіями русскаго проекта, и, благодаря прочности соединяющихъ ихъ общихъ политическихъ интересовъ во всѣхъ вопросахъ извѣстной практической важности, немедленно готовы подписать предложенную конвенцію, тогда поставленная цѣль также вполнѣ будетъ достигнута. Если же великія державы, въ войнахъ между собою, обязываются соблюдать конкретныя правила, ограничивающія ихъ дѣйствія, то понятно насколько малыя государства заинтересованы воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобъ обезпечить свои права, въ случаѣ непріятельскаго нашествія. Не присоединиться къ великимъ державамъ, согласнымъ между собою, было бы со стороны второстепенныхъ государствъ ничѣмъ инымъ, какъ наложеніемъ руки на жизненные интересы и права своихъ собственныхъ подданныхъ. Если кому будетъ непосредственно выгодно господство права во время войны, такъ это именно націямъ, политически слабымъ; для великихъ же державъ точно опредѣленные военные законы составляютъ прежде всего нѣкоторое самоограниченіе, хотя въ сущности также совершенно согласное съ ихъ разумными интересами. Неограниченный произволъ не можетъ быть, въ своихъ конечныхъ результатахъ, никому выгоденъ, и территоріи

¹⁾ См. *Vidari*. Del rispetto della proprietà privata fragli Stati in guerra. Pavia 1867, p. 219.

великихъ государствъ не застрахованы на вѣчныя времена отъ возможности непріятельскаго нашествія.

Таковъ путь, который выбрала, какъ мы выше видѣли, императрица Екатерина II для вооруженнаго нейтралитета. Большинство европейскихъ державъ приняло предложеніе Россіи и заключило съ нею отдѣльныя конвенціи, въ которыхъ провозглашаются принципы русской деклараціи отъ 28-го февраля 1778 г. Только Англія на-отрѣзъ отказалась исполнить предложеніе Россіи. Другимъ примѣромъ можетъ служить трактатъ 1871 г. между Италіею и Соединенными Штатами, которымъ отмѣняется захватъ непріятельской частной собственности, въ случаѣ войны между договаривающимися сторонами. Само собою разумѣется, что если другія европейскія державы приступятъ къ этому договору, то провозглашенный ими принципъ получить примѣненіе и въ отношеніи къ нимъ. Но помимо этого, итальянскій и американскій военные флоты будутъ конфисковать коммерческія суда съ грузомъ, принадлежація подданнымъ непріятельскаго государства.

Наконецъ третій путь, состоящій въ приглашеніи всѣхъ державъ на международный конгрессъ для обсужденія возбужденнаго вопроса, былъ въ дѣйствительности избранъ Россіею. Нѣтъ сомнѣній, что этотъ путь наиболѣе соотвѣтствуетъ духу нашего времени и ближайшій къ цѣли. Военная конвенція, подписанная на конгрессѣ представителями всѣхъ европейскихъ державъ *ipso facto* сдѣлалась бы международнымъ, обязательнымъ для всѣхъ участниковъ актомъ. Но, съ другой стороны, нельзя отрицать, что это именно средство представляется сопряженнымъ съ наибольшими затрудненіями и препятствіями.

Въ этомъ можно будетъ убѣдиться изъ хода дипломатическихъ переговоровъ, предшествовавшихъ открытію брусельской конференціи и началу засѣданій ея.

Нельзя не сказать, что на первыя же заявленія, сдѣланныя Россіею о намѣреніи своемъ пригласить европейскія державы на совокупное обсужденіе и опредѣленіе военныхъ международныхъ законовъ, отвѣты поступали самыя сочувственные и доброжелательные. Когда наконецъ циркуляромъ отъ 17 апрѣля было сдѣлано формальное предложеніе назначить уполномоченныхъ на конференцію, которая должна была открыться 15 (27) іюля нынѣшняго года, тогда всѣ европейскія державы немедленно изъявили на то свое согласіе. Только одна Великобританія соста-

вила исключение. С. Джемскій кабинетъ требовалъ предварительнаго формальнаго обязательства со стороны Россіи и другихъ европейскихъ державъ, что ни принципы морской войны, ни „общія начала международнаго права“ не будутъ предметомъ разсмотрѣнія на брюссельской конференціи. Таково содержаніе депеши лорда Дерби, отъ 4 іюня, къ лорду Лофтусу, англійскому послу въ Петербургъ.

Россія немедленно могла удовлетворить желанію лондонскаго кабинета, потому что ни въ представленномъ ею на усмотрѣніе европейскихъ державъ проектѣ конвенціи, ни въ сдѣланныхъ ею заявленіяхъ, ни словомъ не упоминалось о морской войнѣ или объ общихъ началахъ международнаго права, которыя были бы „гововведеніями“.

Мы здѣсь не намѣрены разрѣшать вопроса, на сколько въ поведеніи Англій выражались дружба ея къ Россіи и искреннее желаніе англійскаго правительства поддерживать постоянно близкія сношенія съ русскимъ. Но мы принуждены преклониться съ удивленіемъ предъ замѣчательною послѣдовательностью англійскаго правительства въ вопросахъ, касающихся ограниченія бѣдствій войны путемъ выясненія правъ и обязанностей воюющихъ сторонъ, въ отношеніи другъ къ другу, или къ нейтральнымъ.

На основаніи исторіи международныхъ отношеній можно положительно доказать, что Англія всегда была защитницею самаго неограниченнаго произвола во время войны, и для того, чтобъ нанести вредъ своему противнику, никогда не стѣснялась въ средствахъ. Для поддержанія своего могущества и господства на морѣ, Англія не только старалась наносить смертельные удары государствамъ, могущимъ соревновать съ нею въ этой области, но даже нейтральные народы подвергались, въ теченіе вѣковъ, самымъ несправедливымъ притѣсненіямъ и насиліямъ. Противъ этого былъ направленъ вооруженный нейтралитетъ 1780 г. Затѣмъ многимъ еще памятно поведеніе англійскаго флота въ Балтійскомъ и Черномъ моряхъ, во время восточной войны. Изъ донесенія генералъ-губернатора великаго княжества Финляндскаго, отъ 20 іюля 1855 г., видно, что англичане не только сожгли около 20 коммерческихъ кораблей, застигнутыхъ ими врасплохъ въ Ништадской гавани, но даже лодки и собственность бѣдныхъ рыбаковъ подвергались уничтоженію и раз-

грабленію ¹⁾. Такое поведеніе англичанъ по отношенію къ мирнымъ и беззащитнымъ подданнымъ непріятельскаго государства вполнѣ объясняется, впрочемъ, неоднократно провозглашенною англійскими государственнымъ людьми теорією, по которой воюющій долженъ наносить всевозможный вредъ подданнымъ непріятельскаго государства, для того, чтобъ они „заставили“ свое правительство скорѣе согласиться на предписанныя ему условія мира. Въ 1855 г. провозглашалъ эту теорію адмиралъ Дондасъ, бывшій главнокомандующимъ англійскаго флота въ Балтійскомъ морѣ; въ 1871 г. провозглашаетъ ее ученый и знаменитый юристъ Филлиморъ, состоящій членомъ англійскаго тайнаго совѣта.

Во второмъ изданіи своихъ „Комментарій о международномъ правѣ“ Филлиморъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Лишенія, которымъ подвергаются подданные (воюющаго государства), гоненія, на нихъ обрушивающіяся, и требованія, имъ поставляемыя, представляются какъ *естественныя исправительныя для честолюбія и страстей правителей средства*“ ²⁾.

Понятно, что при господствѣ въ Англійи подобныхъ воззрѣній на международную войну, всякая попытка, направленная къ ограниченію бѣдствій войны, не можетъ разсчитывать на сочувствіе, ни въ средѣ англійскаго правительства, ни въ англійской печати. Теорія Филлимора, подтверждаемая рѣшеніями англійскаго призоваго судьи Вилліама Скотта (впослѣдствіи лорда Стоуэлла), совершенно согласна съ господствующимъ въ Англійи взглядомъ на международное ея положеніе и интересы. Нѣтъ сомнѣнія, что Англійи несравненно легче наводнять своими полчищами какое-либо континентальное государство, и, распространяя повсюду ужасъ и страхъ, посредствомъ совершаемыхъ ими опустошеній и варварствъ, „заставить“ подданныхъ пойти противъ законнаго своего правительства, чѣмъ какой-либо континентальной державѣ перенести войну на англійскую территорію и примѣнить англійскую теорію къ самимъ англичанамъ. Слѣдовательно англійскій взглядъ на войну совершенно понятенъ въ виду остров-

¹⁾ См. *Soetbeer*: Sammlung officieller Actenstücke in Bezug auf Schifffahrt und Handel in Kriegszeiten. Neue Folge I, 1855 Hamburg 1855. S. 10.

²⁾ *Phillimore's Commentaries upon the International Law*, 2 ed. London, 1871, t. I, p. XXXVII: „These privations of the Subjects (of the Belligerent), the inquiries which they sharpen, and the demands which they beget, are the natural correctives of the ambition and passion of Rulers.“

наго положенія Англіи и дѣли современной англійской политики— устранить себя отъ вмѣшательства въ дѣла европейскаго материка и жить, на сколько возможно, внѣ Европы и соединяющихъ континентальные народы интересовъ. Но мы позволимъ себѣ сомнѣваться въ возможности послѣдовательнаго примѣненія этой политики и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полагаемъ, что могутъ настать времена, когда географическое положеніе Англіи не въ состояніи будетъ обезпечить ее отъ непріятельскаго нашествія. Правда, этотъ случай въ настоящее время трудно предвидѣть, но тогда приведенная англійская теорія можетъ оказаться весьма невыгодною въ странѣ, столь богатой и населенной.

Въ вышесказанномъ, мы старались объяснить совершенно исключительное положеніе, которое англійское правительство заняло въ отношеніи къ Россіи по поводу брюссельской конференціи. Теперь также понятно будетъ, почему англійскіе вліятельные органы печати, какъ въ особенности „Times“, отзываются объ инициативѣ нашего правительства какъ о дѣлѣ только филантропическомъ, которому не суждено осуществиться и принести практическую пользу.

Если бы дѣйствительно окончательное рѣшеніе начатаго дѣла зависѣло отъ Англіи, то оно навѣрно осталось бы только новымъ памятникомъ русской дипломатіи, съ которымъ однако не связаны непосредственные практическіе результаты. Но къ счастью, не въ рукахъ одной Англіи возбужденный вопросъ. Еслибъ даже она и нѣкоторыя другія державы не согласились дать формальную юридическую санкцію работамъ брюссельской конференціи, то чрезъ это еще не устраняется возможность немедленнаго соглашенія Россіи съ другими европейскими державами, имѣющими не меньше политическаго значенія, чѣмъ Англія. Но въ такомъ случаѣ военная конвенція, опредѣляющая права и обязанности воюющихъ сторонъ будетъ имѣть обязательную силу только для договаривающихся державъ и только на нихъ распространится благотѣльное ея дѣйствіе. Если же Англія, благодаря географическому своему положенію, до поры до времени сама, быть можетъ, не пострадаетъ отъ непріятія конвенціи, то легко можетъ быть, что европейскія державы, послѣдовавшія примѣру Великобританіи, слишкомъ поздно убѣдятся въ своей ошибкѣ.

Какъ бы то ни было, въ концѣ концовъ, Англія и всѣ остальные державы согласились назначить своихъ уполномоченныхъ на

конференцію въ Брюсселѣ, засѣданія которой дѣйствительно открылись 15 (27) іюля, и, вслѣдствіе несогласія бельгійскаго правительства на избраніе одного изъ его членовъ предѣдателемъ конференціи, первый уполномоченный Россіи, баронъ Жомини, былъ единогласно избранъ предѣдателемъ.

V.

Въ первомъ же засѣданіи брюссельской конференціи, по предложенію одного изъ членовъ, было постановлено не сообщать публикѣ никакихъ свѣдѣній о ходѣ засѣданій. Это рѣшеніе, само собою разумѣется, нисколько не имѣло мотивомъ какой либо боязни разглашать пренія, происходящія въ конференціи, но только было вызвано совершенно понятнымъ желаніемъ не сдѣлать постановленій конференціи преждевременно предметомъ газетной полемики, которая вредно могла бы отозваться на ходѣ ея занятій. Сами правительства удерживали за собою право принять впоследствии всѣ надлежащія мѣры для того, чтобы дать трудамъ конференціи всевозможную гласность.

Однако извѣстно, что, помимо желанія конференціи, протоколы 12 первыхъ ея засѣданій были опубликованы во французской газетѣ *République française* и затѣмъ перепечатаны во всѣхъ остальныхъ европейскихъ органахъ печати.

Въ настоящее время всѣ протоколы конференціи и проектъ деклараціи объ обычаяхъ и законахъ войны опубликованы уже официальнымъ порядкомъ. Но въ нашемъ этюдѣ о брюссельской конференціи, мы не намѣрены исчерпывать всѣ ея труды. Мы ограничимся разсмотрѣніемъ только главнѣйшихъ вопросовъ, ею затронутыхъ, оставляя за собою право заняться остальными впоследствии.

Для болѣе правильнаго взгляда на труды брюссельской конференціи необходимо имѣть въ виду, что въ первомъ же ея засѣданіи, первымъ русскимъ уполномоченнымъ было объявлено, что работа конференціи только предварительная и состоитъ въ улучшеніи русскаго проекта, о каждомъ постановленіи котораго представители европейскихъ державъ приглашаются высказать свои мнѣнія. Протоколы конференціи, свидѣтельствующіе объ ея трудахъ и воззрѣніяхъ различныхъ правительствъ на затро-

путые русскимъ проектомъ вопросы, вмѣстѣ съ проектомъ новой конвенціи или деклараціи, который составленъ, препровождены каждымъ членомъ конференціи на усмотрѣніе своего правительства.

Изъ этого видно, что на брюссельской конференціи не могъ быть подписанъ какой либо окончательный актъ или конвенція. Это было предоставлено будущему времени, когда верховная власть каждаго европейскаго государства будетъ въ состояніи, послѣ зрѣлаго обсужденія всего дѣла, постановить свое рѣшеніе, и общественное мнѣніе усвоить себѣ сознаніе благотворнаго вліянія, необходимо вытекающаго изъ кодификаціи военныхъ международныхъ обычаевъ.

На сколько это предварительное опредѣленіе задачи конференціи было необходимо для окончательнаго успѣха дѣла, оказалось весьма скоро въ первыхъ же засѣданіяхъ. Обсужденію конференціи подлежали въ высшей степени важныя вопросы, касающіеся какъ внутренней политики государствъ, такъ и жизненныхъ международныхъ ихъ интересовъ. По этому, во первыхъ, фактически было бы невозможно убѣдить различныя европейскія державы немедленно, послѣ мѣсячнаго изученія всѣхъ возбужденныхъ русскимъ проектомъ вопросовъ, подписать формальную конвенцію. Общественное мнѣніе Европы также не имѣло еще возможности уяснить себѣ всю гуманность задачи брюссельской конференціи. Между тѣмъ заключеніе предложенной военной конвенціи принесло бы только тогда непосредственную практическую пользу, и добросовѣстное исполненіе ея постановленій только тогда было бы обеспечено, если бы она сдѣлалась достояніемъ общественнымъ и успѣла проникнуть въ сознаніе образованныхъ европейскихъ народовъ. Слѣдовательно, нельзя не согласиться съ предложеніемъ, сдѣланнымъ нашимъ правительствомъ, при самомъ началѣ засѣданій конференціи, оставить нѣкоторый промежутокъ времени между предварительнымъ изученіемъ возбужденныхъ вопросовъ и окончательнымъ ихъ опредѣленіемъ посредствомъ формальной конвенціи.

Послѣ опредѣленія своего предмета и компетенціи, конференція приступила къ выясненію порядка своихъ занятій. По единогласному постановленію было рѣшено избрать изъ состава конференціи специальную комиссію, въ которой каждая держава имѣла бы только по одному представителю, и преимущественно военнаго. Задача этой комиссіи состояла въ изученіи русскаго

проекта и составленіи новаго, который затѣмъ былъ представленъ на разсмотрѣніе общаго собранія. Само собою разумѣется, что всѣ безъ исключенія члены конференціи имѣли право присутствовать въ засѣданіяхъ комиссіи, но право голоса имѣли только члены комиссіи.

Изъ этого видно, что главная работа выпала на долю этой комиссіи; протоколы первыхъ ея засѣданій подверглись самымъ несправедливымъ и безмысленнымъ нападкамъ, благодаря неточности извлеченій изъ нихъ, напечатанныхъ въ вышеупомянутой французской газетѣ.

Въ засѣданіи отъ 30 го іюля, комиссіа рѣшила приступить прежде всего къ обезужденію тѣхъ статей русскаго проекта, которыя меньше всего возбуждаютъ сомнѣнія. Такъ она приняла почти безъ всякихъ значительныхъ измѣненій статью русскаго проекта о недозволенныхъ средствахъ войны, о шпионахъ, раненыхъ и больныхъ, бомбардированіи и военноплѣнныхъ.

Всѣ постановленія комиссіи по этимъ вопросамъ заслуживаютъ полнѣйшаго уваженія и дѣйствительно согласны съ истинными потребностями и интересами цивилизованныхъ народовъ. Если еще въ XVIII вѣкѣ дозволены были противъ непріятеля всѣ безъ исключенія средства, если воюющія стороны приписывали себѣ неограниченное право надъ жизнью и собственностью подданныхъ непріятельскаго государства, то напротивъ, брусельская конференція, въ первый разъ, провозгласила, какъ международный законъ, что всякіе снаряды и орудія войны, которые причиняютъ совершенно излишнія страданія, безусловно воспрещаются. Тутъ было впервые провозглашено всѣми представителями европейскихкихъ государствъ, что раззореніе или захватъ непріятельской собственности вообще не дозволяется, за исключеніемъ только случаевъ крайпей и неизбѣжной военной необходимости. Слѣдовательно, не оправдываемое никакою необходимостью раззореніе непріятелемъ путей сообщенія, домовъ или какихъ либо сооруженій, объявлено было, согласно повѣйшему правосознанію цивилизованныхъ народовъ, непростительнымъ варварствомъ и нарушеніемъ права.

Что касается бомбардированія, то, какъ показываетъ опытъ всѣхъ войнъ, оно является необходимымъ средствомъ войны, но на брусельской конференціи была сдѣлана первая попытка ограничить бѣдствія изъ него вытекающія и поставить извѣстныя границы примѣненію его. На этомъ основаніи было по-

становлено, что открытые города, не сопротивляющіеся съ оружіемъ въ рукахъ непріятелю, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть бомбардируемы. Въ случаѣ же бомбардированія крѣпостей или укрѣпленныхъ городовъ, осаждающій обязанъ принимать всѣ мѣры, чтобъ предупредить объ этомъ городскія власти. Наконецъ, осаждающій обязанъ также принимать всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобъ пощадить всѣ зданія и сооруженія, посвященныя религіознымъ, научнымъ, художественнымъ и богоугоднымъ предметамъ. Для лучшаго достиженія этой цѣли на жителей осаждаемаго города возложена обязанность сообщить непріятелю о томъ внѣшнемъ знакѣ, которымъ они обозначутъ выше упомянутыя зданія. Нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ одного знатока международного права, что еслибъ это предписаніе существовало во время послѣдней войны, то вѣроятно драгоцѣнная страсбургская бібліотека и музей были бы спасены отъ гибели. ¹⁾ Наконецъ постановленія относительно военнопленныхъ, принятыя брусельскою конференціею, вполне стоятъ на уровнѣ современной науки международного права и удовлетворяютъ чувствамъ справедливости цивилизованныхъ народовъ.

Если въ средніе вѣка военнопленные обращались въ рабовъ или въ собственность лица ихъ захватившаго, если еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія съ военнопленными обращались весьма жестоко, то напротивъ теперь всѣми народами сознается, что военнопленные не уголовные преступники, но защитники своего отечества, и потому заслуживаютъ полного уваженія и сочувствія. За воюющею стороною должно быть признано право принимать всѣ мѣры, чтобъ военнопленные не имѣли возможности вновь принять участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, но, съ другой стороны, на ней лежитъ также обязанность человѣчно обходиться съ ними и содержать такъ, какъ подобаетъ каждому военнопленному, по его чину или званію.

Этотъ взглядъ проведенъ былъ чрезъ весь проектъ устава о военнопленныхъ, выработанный парижскимъ „Обществомъ для улучшенія участи военнопленныхъ“, и онъ же проглядываетъ во всѣхъ постановленіяхъ брусельской конференціи относительно разсматриваемаго вопроса. Что касается содержанія военнопленныхъ, то конференція выставила принципъ, справедливость и гуманность котораго бросается въ глаза: она опредѣлила, что

¹⁾ См. Augsburger Allg. Zeitung. 1874, № 265.

въ случаѣ отсутствія спеціального соглашенія между воюющими сторонами военнопленные, по отношенію къ ихъ пищѣ и одеждѣ, будутъ совершенно приравнены къ войскамъ государства, въ плѣну у которыхъ они находятся.

Это постановленіе очевидно исходило изъ того убѣжденія, что во всѣхъ европейскихъ государствахъ войска содержатся болѣе или менѣе одинаково и продовольствіе получаютъ отъ казны натурою или деньгами. Но мы позволимъ себѣ сдѣлать только одно замѣчаніе относительно государства, въ отношеніи котораго вышеозначенный принципъ могъ бы оказаться слишкомъ невыгоднымъ для военнопленныхъ, у него находящихся.

Извѣстно, что статью 7 парижскаго трактата 1856 г. Оттоманская имперія торжественно принята въ „concert européen“, т. е. въ число цивилизованныхъ государствъ, признающихъ обязательную силу европейскаго международнаго права. На этомъ основаніи Турція также имѣла на брюссельской конференціи своихъ представителей, къ личнымъ достоинствамъ которыхъ нельзя относиться иначе какъ съ чувствомъ глубокаго уваженія. Но предположимъ случай, что Порта также присоединится впоследствии къ проектированной въ Брюсселѣ деклараціи, то участь военнопленныхъ въ Турціи можетъ быть не особенно завидною. Финансовыя недуги турецкаго правительства общезвѣстны, и если оно весьма часто, въ мирное время, не въ состояніи выплачивать своимъ войскамъ и чиновникамъ жалованье, то тѣмъ менѣе во время войны. Приравнять же матеріальное содержаніе военнопленныхъ къ содержанію турецкихъ войскъ значитъ оставлять первыхъ безъ продовольствія и денегъ, т. е., подвергать ихъ той-же участи, какую претерпѣваютъ послѣдніе. Если же турецкое правительство будетъ больше заботиться объ военнопленныхъ, чѣмъ о своихъ собственныхъ подданныхъ, то этимъ оно можетъ вызвать опасное раздраженіе въ своихъ войскахъ, а отъ этого могутъ пострадать и сами военнопленные.

Этотъ частный случай только вновь подтверждаетъ ту слишкомъ извѣстную истину, что фактически и юридически невозможно примѣнять одни и тѣ же начала къ совершенно разнороднымъ реальнымъ отношеніямъ; правила, имѣющія смыслъ и основаніе въ отношеніи европейскихъ цивилизованныхъ государствъ, рѣдко примѣнимы къ необразованнымъ народамъ ¹⁾.

¹⁾ См. ваше сочиненіе: «О консулахъ и консульской юрисдикціи на Востокахъ», С.-Пет. 1873, стр. 44 и слѣд.

Выяснивъ эти вопросы права войны, коммиссія обратилась вслѣдъ затѣмъ къ обсужденію тѣхъ главъ русскаго проекта, которыя возбуждали гораздо болѣе сомнѣнія и разногласія между членами конференціи. Прежде всего она остановилась на обсужденіи I главы проекта, въ которой опредѣляются права воюющихъ сторонъ относительно занятой ими непріятельской территоріи и народонаселенія. Однако необходимо замѣтить, что статьи этой главы не были подвергнуты разсмотрѣнію въ первоначальной редакціи проекта; русскими уполномоченными была выработана новая редакція первыхъ восьми статей, какъ основаніе для взаимнаго обмѣна мыслей между членами коммиссіи. Благодаря этой новой редакціи, согласной въ существѣ съ первоначальной, удалось достигнуть соглашенія по вопросамъ, въ которыхъ интересы европейскихъ государствъ далеко не одинаковы и на которые взгляды весьма различны.

Дѣйствительно, между тѣмъ какъ представители Франціи, Германіи, Австріи, Россіи и Италиі почти постоянно высказывали совершенно одинаковый взглядъ на эти вопросы, мнѣнія уполномоченныхъ малыхъ державъ показали на сколько ихъ точка зрѣнія на права оккупационной арміи расходится съ воззрѣніями великихъ государствъ, имѣющихъ на своей сторонѣ опытъ исторіи и науки. На основаніи современнаго международнаго права не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что непріятель, занявшій часть территоріи своего противника, подчиняетъ ее своей власти. Устранивъ фактически государственную законную власть, завоеватель ставитъ на ея мѣсто свой авторитетъ и имѣетъ право требовать отъ народонаселенія подчиненія и повиновенія. Утверждать, что занятая непріятелемъ территорія, все-таки продолжаетъ фактически подчиняться законной власти, значить доказывать, что въ одной и той-же части территоріи господствуютъ двѣ власти или два правительства, другъ отъ друга независимыя. Теперь представимъ себѣ положеніе народонаселенія занятой непріятелемъ области, если оно въ одно и то-же время обязано исполнять предписанія законнаго, но устраненнаго правительства, и требованія непріятеля, который одинъ имѣетъ фактическую власть и возможность заставить исполнять свои приказанія. Очевидно, что положеніе народонаселенія будетъ чрезъ это невыносимо: оно подвергается, съ одной стороны, вѣзмъ суровостямъ господства военныхъ законовъ и власти непріятеля, а съ другой, — обвиненію въ государственной измѣнѣ за исполне-

ніе приказаній, неповиновеніе которымъ влечеть за собою военный судъ и слишкомъ часто смертную казнь.

Такое мнѣніе о непрерывности законной правительственной власти, вопреки самой осязательной очевидности, приводитъ въ послѣдовательномъ своемъ развитіи къ тому, что все населеніе занятой территоріи, начиная съ женщинъ и кончая дряхлыми стариками, должно неустанно сопротивляться всеѣмъ безъ исключенія требованіямъ непріятельской военной власти. Если напр., непріятельскія войска желаютъ занять квартиры въ занятой ими области, то каждый домовладѣлецъ съ оружіемъ въ рукахъ обязанъ этому сопротивляться; если они за наличныя даже деньги желаютъ купить какіе-либо предметы необходимости, то никто изъ народонаселенія не имѣетъ права продавать имъ что-либо. Надо подумать о положеніи, въ какое бываетъ поставлена страна войною, чтобъ убѣдиться къ какимъ ужасамъ привела бы на практикѣ эта теорія, отзывающаяся на первый взглядъ возвышеннымъ патріотизмомъ. Примѣненіе этой теоріи возвратило бы насъ ко временамъ древнихъ римлянъ, гунновъ и вандаловъ, когда дѣйствительно все населеніе на непріятельской территоріи подлежало неограниченному производству завоевателя, когда женщины, дѣти и мужчины были убиваемы или продаваемы въ рабство. Между тѣмъ одно изъ самыхъ существенныхъ и непреходящихъ завоеваній, сдѣланныхъ правомъ и культурою надъ проявленіями физической силы во время международной войны, состоитъ именно въ различіи постоянно проводимомъ между вооруженными защитниками отечества или войсками, и безоружными и мирными жителями на территоріяхъ воюющихъ государствъ. Только вооруженныя и организованныя силы государствъ являются собственно воюющими сторонами, и только противъ нихъ должны быть направлены военныя дѣйствія. Если же примѣнить къ современнымъ войскамъ вышеприведенную теорію, то непріятельскія войска были бы вынуждены силою брать все необходимое, и видѣть въ каждомъ индивидуумѣ на непріятельской территоріи личного врага, жизнь и собственность котораго въ ихъ рукахъ. Въ такомъ случаѣ остается только одобрять захватъ и разграбленіе частной собственности, убійство мирныхъ жителей, преступленія противъ чести женщинъ и т. д.

Но кромѣ того разсматриваемый вопросъ имѣетъ еще другую сторону. На основаніи современнаго международного права, власть завоевателя только временная, пока занятая имъ территорія не

будеть имъ возвращена или же присоединена къ его владѣніямъ, на основаніи мирнаго договора. Въ виду этого временнаго характера оккупационной военной власти, за непріателемъ не признается право существенно измѣнять государственныя учрежденія, законы и вообще весь государственный порядокъ, существующіе въ занятой территоріи. Напротивъ, на завоевателя возложена обязанность сохранять существующій юридическій порядокъ и не препятствовать дѣйствию установленныхъ въ занятой странѣ правительственныхъ органовъ и учреждений, подъ тѣмъ только условіемъ, чтобъ они постоянно дѣйствовали подъ контролемъ военной непріятельской власти и не противодѣйствовали бы ея распоряженіямъ и интересамъ.

Если же слѣдовать теоріи, по которой законное правительство, даже во время непріятельскаго нашествія, продолжаетъ управлять страню безпрепятственно, то оказалось бы въ дѣйствительности, что, съ одной стороны, органы законнаго правительства фактически не въ состояніи исполнять возложенныя на нихъ обязанности, съ другой же, население вынуждено всеми средствами сопротивляться всемъ распоряженіямъ установленныхъ непріателемъ полицейскихъ и судебныхъ властей. Слѣдовательно, въ занятой непріателемъ странѣ, существующія общественныя и правительственныя учрежденія должны бы были прекратить свою дѣятельность, — хотя они въ тяжкое время военныхъ дѣйствій наилучше могутъ смягчить бѣдствія и страданія народонаселенія — и, въ тоже время, власть и авторитетъ непріятеля также, по видимому, не могли бы осуществиться. Словомъ сказать, можно думать, что данная страна или область возвратилась бы къ такъ называемому „естественному состоянію“, восхищавшему Ж. Ж. Руссо, и свободному отъ всякихъ властей; однако во время войны воюющей навѣрно не потерпитъ сомнѣнія относительно дѣйствительности и компетентности его власти на занятой имъ территоріи! Впрочемъ на сколько теорія Жана Жака представляется измышленіемъ празднаго ума, на столько же разбираемое нами мнѣніе лишено всякой реальной основы и совершенно произвольно. Осуществленіе этого мнѣнія на дѣлѣ не только не принесло бы никакой пользы общему отечеству, но навѣрно стоило бы неизчислимыхъ и несоразмѣрныхъ жертвъ на занятыхъ непріателемъ окраинахъ, между тѣмъ какъ остальные части государства мирно продолжали бы пользоваться защитой установленныхъ властей, судовъ и законовъ.

На сколько дѣйствительно сама занимаемая непріателемъ страна заинтересована, чтобъ должностныя лица не покинули ее, но оставались бы на своихъ мѣстахъ, видно изъ исторіи въ особенности новѣйшихъ войнъ. Непрїатель, не находя никакихъ должностныхъ лицъ, къ которымъ онъ могъ бы обратиться съ своими требованіями, беретъ все нужное отъ тѣхъ частныхъ лицъ, которыя по своему общественному положенію особенно выдаются изъ мѣстнаго населенія и пользуются матерьяльнымъ благосостояніемъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе закрытія присутственныхъ мѣстъ, устраняется возможность равномернаго распредѣленія тягостей на все населеніе, и вся гроза обрушивается только на немногихъ.

Вотъ почему мы совершенно согласны и находимъ безусловно справедливымъ замѣчаніе, сдѣланное однимъ изъ числа наиболѣе компетентныхъ современныхъ военныхъ писателей о послѣдней франко-германской войнѣ.

„Благодаря тому обстоятельству“, говоритъ бельгійскій полковникъ Вандевелде, „что повсюду французскіе административные чиновники получали приказаніе оставлять свои должности, пруссаки, не встрѣчая нигдѣ должностныхъ лицъ, были въ большомъ затрудненіи при наложеніи контрибуцій и, въ особенности, при взиманіи ихъ. Подобное мѣропріятіе безъ сомнѣнія увеличиваетъ затрудненія наступающей непріательской арміи, но зато также подвергаетъ страну самымъ жестокимъ лишеніямъ. Въ виду того, что тягости войны падаютъ исключительно на мѣстности, чрезъ которыя проходятъ войска, соразмѣрное распредѣленіе ихъ оказывается невозможнымъ, и потому эти мѣстности совершенно истощаются и разоряются. Мало того, чѣмъ болѣе терпитъ завоеватель, тѣмъ больше онъ свирѣпствуетъ въ занятой имъ области ¹⁾).

Удаленіе мѣстныхъ должностныхъ лицъ и закрытіе мѣстныхъ присутственныхъ мѣстъ г. Вандевелде находитъ столь же безразсуднымъ, какъ безцѣльное разореніе и истребленіе мостовъ, желѣзныхъ дорогъ и тому подобныхъ сооружений съ цѣлью воспрепятствованія непріательскому нашествію. Знаменитый бельгійскій военный писатель доказываетъ, на основаніи несомнѣнныхъ фактовъ, что подобное разореніе обыкновенно не приостанавливало непріа-

¹⁾ *Vandevelde*. Un Chapitre de Stratégie à l'usage du militaire et de l'homme d'Etat. Bruxelles, 1872, p. 114.

теля, но впоследствии оказывалось въ высшей степени пагубнымъ для разрушителя самаго.

На основаніи всего сказаннаго мы продолжаемъ думать, что, если власть непріятеля фактически существуетъ въ занятой имъ области и онъ въ состояніи осуществлять ее во всякое время, то авторитетъ законнаго правительства на время устраненъ и народонаселеніе вынуждено подчиняться предписаніямъ непріятельской арміи, насколько они не становятся въ разрѣзъ съ обязанностями его въ отношеніи къ отечеству. Съ этой точки зрѣнія, намъ кажутся не лишними основанія слова извѣстнаго американскаго генерала Галлека, что народонаселеніе занятой территоріи находится въ положеніи военноплѣнныхъ, отпущенныхъ на честное слово. ¹⁾

Въ самомъ дѣлѣ, народонаселеніе занятыхъ областей также должно оставаться на свободѣ и установленныя власти и учрежденія его должны быть упраздняемы, но оно не должно принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и должно подчиняться власти завоевателя.

Однако, если фактическая власть завоевателя неотразима, то теперь возникаетъ вопросъ: въ какихъ границахъ она можетъ осуществляться и при какихъ условіяхъ требованія ея будутъ имѣть обязательную силу для населенія?

Если обратимся къ обнародованнымъ протоколамъ, то не трудно замѣтить, что на брюссельской конференціи выступили два совершенно противоположныя воззрѣнія, около которыхъ группировались представители европейскихъ державъ. Съ одной стороны, были Бельгія, Голландія, Данія, Испанія, Португалія и Швейцарія, желавшія всѣми средствами ограничить право и власть оккупационной арміи до самой крайней степени. Государства эти не видятъ возможности когда либо занять своими войсками чужія земли, но скорѣе сами опасаются непріятельскаго нападенія, и поэтому, совершенно естественно и законно было стремленіе ихъ представителямъ воздвигнуть всевозможныя преграды власти завоевателя. Но стремленіе это перестало бы быть естественнымъ и понятнымъ, еслибы оно выставляло такія требованія, которыя совершенно неосуществимы и немислимы въ военное время, или

¹⁾ Halleck. International Law. San-Francisco 1863, ch. XXXII, p. 793. Справ. Rolin-Jacquemyns. Essai sur la guerre franco-allemande, p. 312 (Revue de droit international, № II, 1871).

еслибъ при этомъ были предположены такія цѣли, достиженіе которыхъ возможно только при устраненіи всякой войны между народами и которыя потому мечтательны. Пока же война является послѣднимъ, хотя и чрезвычайно печальнымъ, средствомъ для разрѣшенія международныхъ распрей, требованія несовмѣстимы съ самою сущностью и необходимостью войны, очевидно, непонятны и удовлетворены быть не могутъ. Война имѣетъ свои неугнанные потребности, которыя мы не въ состояніи отмѣнить ни государственнымъ закономъ, ни международнымъ договоромъ.

Вотъ почему, съ точки зрѣнія международного права и дѣйствительной жизни, намъ кажется воззрѣніе второй группы государствъ, къ которымъ можно отнести: Австрію, Германію, Францію, Россію и Италію, болѣе основательнымъ. Представители этихъ державъ согласились впрочемъ сдѣлать такъ много уступокъ интересамъ малыхъ державъ, на сколько это вообще возможно въ виду неотразимыхъ потребностей войны. Черезъ эти уступки однако точнѣе опредѣлились права оккупационной арміи, чѣмъ это было въ первоначальномъ проектѣ.

Дѣйствительно, принятія брюссельскою конференціею статьи о правахъ оккупационной арміи предоставляютъ мирному населенію на занятой территоріи такія гарантіи и права, относительно которыхъ только немногіе представители науки международного права признавали возможнымъ заявить свои *ria desideria*. На основаніи редакціи принятыхъ статей, на завоевателя возлагается *обязанность* охранять общественный порядокъ въ странѣ и не измѣнять существующихъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, насколько дѣйствіе ихъ вообще совмѣстимо съ фактомъ непріятельскаго занятія. Далѣе, должностныя лица, которыя по приглашенію непріятеля, добровольно соглашаются продолжать исполненіе своихъ обязанностей, имѣютъ право оставаться на своихъ мѣстахъ, и только въ случаѣ нарушенія принятыхъ на себя обязанностей они могутъ подвергаться дисциплинарному взысканію. Законы и порядки въ занятой странѣ продолжаютъ существовать и дѣйствовать, за исключеніемъ случаевъ, когда это несовмѣстимо съ военнымъ положеніемъ. Если затѣмъ далѣе за завоевателемъ признается право, которымъ онъ всегда пользовался, взимать подати и пошлины, собираемыя законнымъ правительствомъ, то конференція опредѣлила, что онъ обязанъ однако руководствоваться въ этомъ отношеніи правилами и порядками, установленными въ занятой странѣ. Наконецъ имущества, при-

надлежащія обществамъ или посвященныя благотворительнымъ, религіознымъ и научнымъ цѣлямъ, признаются настолько же неприкосновенными какъ частная собственность вообще. Согласно съ этимъ публичные памятники, художественныя произведенія, равно какъ и гражданскіе акты состоянія (*Actes de l'état civil*), не только не подлежатъ захвату, но уничтоженіе или поврежденіе ихъ должно быть преслѣдуемо военными властями.

По нашему глубокому убѣжденію, эти постановленія до такой степени согласны съ основными началами права войны и такъ точно опредѣляютъ компетентность оккупационной власти, что намъ остается только искренно пожелать, чтобъ они скорѣе получили окончательную обязательную силу.

Наконецъ, намъ остается сказать нѣсколько словъ о чрезвычайно интересномъ засѣданіи комиссіи 14-го августа, протоколъ котораго также уже давно былъ извѣстенъ, хотя въ извлеченіи. Въ этомъ засѣданіи обсуждался крайне важный вопросъ: кто долженъ считаться воюющею стороною и соблюденіе какихъ условій должно требовать отъ населенія, возставшаго противъ непріятеля, чтобъ оно было признано воюющею стороною?

Наука современнаго международнаго права, въ лицѣ наиболѣе замѣчательныхъ своихъ представителей, и военная практика вообще сходятся тутъ въ своихъ требованіяхъ. Та и другая провозглашали неоднократно, что современная война есть отношеніе государства къ государству, а не отдѣльныхъ лицъ другъ къ другу, входящихъ, какъ подданные, въ составъ воюющихъ государствъ. На основаніи этого принципа только противъ вооруженныхъ силъ или войскъ воюющихъ сторонъ должны быть направлены военныя дѣйствія; мирные же подданные государствъ, не являющіеся вооруженными защитниками своего отечества должны быть признаны неприкосновенными. Въ 1800 г. выразилъ это начало знаменитый французскій юристъ Порталисъ въ словахъ, что „частныя лица въ воюющихъ государствахъ не могутъ быть непріятелями, ни какъ люди, ни даже какъ граждане, но единственно только какъ воины.“¹⁾

Выраженное въ этихъ словахъ начало представляется однимъ изъ самыхъ существенныхъ отличій современнаго права войны

¹⁾ *Ercole Vidari. Del rispetto della proprietà privata fra gli Stati in guerra. Pavia 1867, p. 19.* Срав. также наше сочиненіе: «О правѣ частной собственности во время войны» Спб. 1869, стр. 97 и слѣд.

отъ военныхъ обычаевъ, господствовавшихъ еще въ прошломъ и даже въ настоящемъ столѣтїи. Въ прошломъ столѣтїи, напр. во время семилѣтней войны, мирные подданные на непріятельской территорїи совершенно были предоставлены неограниченному произволу войскъ. Но если это дѣйствительно должно служить обезпеченіемъ неприкосновенности жизни, чести и собственности мирнаго населенія, то очевидно необходимо, чтобъ это населеніе дѣйствительно было мирно и безоружно, и чтобъ, слѣдовательно, существовало различіе между войсками и имъ.

Если мы имѣемъ право требовать отъ непріятельскаго войска, чтобъ оно уважало неприкосновенность жизни мирныхъ жителей на территорїи другой воюющей державы, то, съ другой стороны, мы должны быть послѣдовательны и требовать, чтобъ они, наоборотъ, выказывались въ отношенїи него какъ дѣйствительно мирные люди. Если же солдатъ, уважающій жизнь и неприкосновенность мирнаго подданнаго на непріятельской территорїи, ночью, во время сна, подвергается со стороны его нападенію, то въ такомъ случаѣ нападающій и все мирное населеніе, раздражающее подобнымъ поступкамъ, сами лишаютъ себя права неприкосновенности. Тогда война должна принять характеръ *bellum omnium contra omnes*.

Вотъ почему во время войны для подданныхъ воюющихъ государствъ должно существовать только одно изъ двухъ положеній: или они причислены въ составъ вооруженныхъ организованныхъ силъ государства и тогда должны пользоваться всѣми правами воюющей стороны, или же они представляются на первый взглядъ мирными жителями, и тогда совершенное ими непріязненное дѣйствіе наказывается непріателемъ какъ измѣна и вѣроломство. Другого исхода или выбора быть не можетъ. На этомъ основанїи, въ виду истинныхъ интересовъ человѣколюбія и интересовъ самаго воюющаго государства, нельзя не желать, чтобъ оно въ мирное время организовало бы свои вооруженныя силы такимъ образомъ, чтобъ можно было провести рѣзкую грань между населеніемъ, оставшимся при своихъ мирныхъ занятїяхъ, и войсками, выступающими на поле сраженія.

Мы дѣйствительно вполне убѣждены, что только организованная на правильныхъ основанїяхъ защита можетъ оказать какую-либо существенную пользу странѣ. Чѣмъ лучше будетъ устроена военная сила даннаго государства, тѣмъ труднѣе будетъ вступить на его территорію; если же непріятелю удалось всетаки за-

нять часть ея, то и тогда положеніе его будетъ гораздо опаснѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда противникъ его вынужденъ во время войны импровизировать цѣлыя арміи. Мало того, неорганизованная защита государства, когда каждое лицо можетъ выступить въ роли защитника отечества, гораздо больше приноситъ вреда, нежели пользы въ огромномъ большинствѣ случаевъ.

Общественная безопасность страны должна мало-по-малу исчезнуть, благодаря тому, что подъ маскою защитниковъ отечества весьма часто кроются отъявленные преступники или разнаго рода искатели приключеній. При такихъ условіяхъ населеніе занятой территоріи, которое дѣйствительно осталось мирнымъ, находится въ самомъ безвыходномъ положеніи: непріятельскія войска, въ виду постоянныхъ нападений, которымъ они подвергаются, перестаютъ уважать мирный характеръ населенія, убиваютъ направо и налѣво и все раззоряютъ; самозванные же защитники отечества объявляютъ каждому, не исполняющаго безусловно ихъ требованія и не представляющаго имъ всего, чего они желаютъ, измѣнникомъ и предателемъ, лишившимся права на жизнь.

Стоитъ только обратиться къ новѣйшему опыту именно къ послѣдней франко-прусской войнѣ, чтобъ убѣдиться, на сколько правды въ вышензложенномъ.

Далека отъ насъ мысль уменьшать заслуги турецкой делегаціи правительства національной обороны и усилія, сдѣланныя Гамбеттою для организаціи противодѣйствія германскимъ побѣдоноснымъ войскамъ. Но справедливость требуетъ сказать, что на основаніи всѣхъ новѣйшихъ данныхъ, попытки турецкой делегаціи принесли Франціи больше вреда, чѣмъ пользы. Исторія послѣдней войны, послѣ седанскаго погрома, разъ навсегда доказала, что собранные на скорую руку новобранцы, изъ которыхъ составлялись французскія арміи, ничего не въ состояніи сдѣлать противъ правильно обученныхъ и надлежаще приготовленныхъ войскъ. Что же касается вольныхъ стрѣлковъ (*franc-tireurs*), то мы также позволяемъ себѣ сомнѣваться въ дѣйствительной пользѣ, которую они принесли Франціи. Не трудно было бы доказать, что отъ вольныхъ стрѣлковъ весьма часто терпѣли насилія и поборы сами французскіе же подданные, и новѣйшая французская судебная хроника приводитъ случаи неслыханныхъ преступленій этихъ „защитниковъ отечества“.

Не менѣе убѣдительныя доказательства въ пользу защищаемого нами положенія представляетъ крайне любопытная исторія фран-

цузскихъ волонтеровъ 1791 и послѣдующихъ годовъ. Французскій военный исторіографъ Камилль Руссе приводитъ множество примѣровъ тому, что эти защитники отечества и французской республики были самымъ ужаснымъ бичемъ для населенія тѣхъ департаментовъ, въ которыхъ они стояли на постахъ. Въ сраженіи они первые обращались въ неудержимое бѣгство, а на родинѣ они убивали своихъ согражданъ и похищали ихъ собственность ¹⁾.

Наконецъ исторія Франціи сверхъ того показала, что поголовное возстаніе во время войны и безконтрольная раздача оружія всѣмъ заявляющимъ о желаніи сражаться за свое отечество, можетъ привести къ чрезвычайно опаснымъ внутреннимъ смутамъ. Укажемъ только на всѣмъ памятную исторію парижской коммуны 1871 г. Гораздо легче раздать оружіе, чѣмъ отобрать его.

На этомъ основаніи мы совершенно согласны съ нижеслѣдующими словами англійскаго ученаго Арнольда, который говоритъ: „Несомнѣнная обязанность каждаго правительства состоитъ не только въ томъ, чтобъ оно не ободряло совершенно неорганизованной войны со стороны народонаселенія, но оно должно строго воспретить ее и противопоставить непріятелю только свои регулярныя войска, или людей правильно организованныхъ и дѣйствующихъ подъ начальствомъ офицеровъ, назначенныхъ высшею властью и соблюдающихъ правила челоуѣколюбія, которыя обязательны въ правильной войнѣ. То же, что называютъ патріотическими возстаніями или неорганизованными возстаніями всего населенія (другими словами, *народною войною*) для борьбы съ наступающею непріятельскою арміею, должно быть всегда осуждаемо, все равно къѣмъ или противъ кого это средство употребляется, потому что средство это, представляя весьма ограниченныя и сомнительныя шансы успѣха, приводитъ всегда къ жестокостямъ и оказывается самымъ крайнимъ увеличеніемъ бѣдствій войны“ ²⁾.

Такимъ образомъ защита и оборона отечества, для того, чтобъ принести при настоящихъ условіяхъ военныхъ дѣйствій какую-либо пользу, непременно должна быть организована въ военномъ

¹⁾ У насъ подъ рукою нѣмецкій переводъ этого замѣчательнаго труда, изд. подъ заглавіемъ: «Die Freiwilligen von 1791 — 1794». Berlin 1875. Справ. стр. 16, 26, 29, 32, 63, 78, 128, 154 и др.

²⁾ Arnold. Lectures on Modern History, p. 160. Справ. *Rolin-Jacquemyns. Etude sur la guerre franco-allemande*, p. 310 (Revue № II, 1871).

отношеніи. Воюющій необходимо долженъ знать, имѣетъ ли онъ дѣло съ признаннымъ защитникомъ отечества или съ самозванцемъ и разбойникомъ. Если же въ какой либо странѣ, исторія которой представляетъ непрерывную цѣпь смутъ и междоусобій, поголовное возстаніе или оборона не могутъ быть организованы правильнымъ образомъ, то война должна принять характеръ взаимнаго истребленія и уничтоженія. Въ такомъ случаѣ, нельзя ожидать отъ непріятеля, чтобъ онъ далъ пощаду кому бы то ни было, и тогда уже не можетъ быть рѣчи о соблюденіи какихъ-либо военныхъ законовъ и обычаевъ. Вообще мы не понимаемъ, какимъ образомъ можно требовать отъ врага, чтобъ онъ умѣрилъ проявленіе своей силы и соблюдалъ какія-либо правила, если мы сами ничѣмъ не ограничиваемъ своихъ дѣйствій противъ него и никакихъ законовъ не соблюдаемъ. Всѣ международныя отношенія цивилизованныхъ націй (какъ и всѣякія гражданскія отношенія) основываются на принципѣ взаимности; если одна сторона ведетъ войну съ неорганизованными силами, то другая вынуждена видѣть въ каждомъ, безъ исключенія, подданномъ противной стороны, своего врага и уничтожить его.

И такъ оборона или защита отечества должна быть организована военнымъ образомъ; въ такомъ случаѣ война будетъ вѣдена правильно и на сколько возможно будетъ гуманна; защитники же отечества получаютъ всѣ права воюющей стороны и въ случаѣ взятія ихъ въ плѣнъ, имѣютъ преимущества военнопленныхъ. Наоборотъ, если все народонаселеніе воюющаго государства поднимается и, не будучи организовано, не подчиняясь начальству отвѣтственныхъ лицъ, ведетъ войну неправильную, въ такомъ случаѣ непріятель имѣетъ право не щадить никого, и взятые въ плѣнъ наказываются имъ, какъ уголовные преступники.

Но если правильная военная организація необходима для пользованія правами воюющей стороны, то спрашивается: какимъ условіямъ должны удовлетворять воюющія силы, чтобъ имѣть право считаться организованными и правильно ведущими войну?

Брюссельская конференція должна была разрѣшить этотъ чрезвычайно трудный вопросъ, отъ котораго зависятъ во время войны жизнь и благоденствіе тысячъ людей. По нашему мнѣнію, конференція дѣйствительно успѣла разрѣшить его согласно интересамъ всѣхъ народовъ и требованіямъ чловѣколюбія.

Конференція выставила слѣдующія четыре условія для пользования правами воюющей стороны. Воюющія силы должны:

- 1) подчиняться отвѣтственному начальству;
- 2) имѣть какой-либо знакъ, видимый на разстоянн;
- 3) открыто носить оружіе, и
- 4) соблюдать въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ законы и обычаи войны.

Разсматривая эти условія, мы увидимъ, что они исполнѣ гарантируютъ энергическую оборону, устраняя, въ то же время, возможность обращенія войны въ взаимное безпощадное истребленіе и разбой.

Первое условіе представляется, безъ сомнѣнія, наиболѣе важнымъ, ибо въ немъ выражено главное требованіе всякой военной организаціи. Необходимо только, чтобы было въ главѣ воюющихъ какое-либо лицо, предписанія котораго исполняются и которое носить отвѣтственность за дѣйствія своихъ подчиненныхъ.

Что же касается самой организаціи воюющихъ, то она можетъ быть весьма разнообразна, смотря по обстоятельствамъ, условіямъ и нравамъ страны. Изъ перваго принятаго конференціею условія нисколько не слѣдуетъ, что защитники отечества непремѣнно должны быть распределены по полкамъ, батальонамъ или эскадронамъ. Напротивъ, если напр. городской голова какого либо города или сельскій староста соберутъ народъ для защиты отечества, распределютъ его подъ начальствомъ извѣстныхъ отвѣтственныхъ лицъ, то подобное ополченіе вполне удовлетворяетъ первому условію и должно быть признано правильно организованною воюющею силою, если соблюдены имъ три остальныхъ условія.

Насколько это постановленіе брусельской конференціи гуманно и обезпечиваетъ народную оборону, это особенно рельефно видно изъ опыта послѣдней войны. Напримѣръ, въ приказѣ по второй арміи отъ 31 августа 1871 г. прусскій генераль Вердеръ объявилъ, что каждое лицо, которое *не входитъ ни въ составъ регулярной французской арміи, ни подвижной національной гвардіи*, но поймано будетъ съ оружіемъ въ рукахъ, подлежитъ разстрѣлянн или повѣшанн, какъ измѣнникъ, все равно носить ли онъ названіе франкъ-тирера (вольнаго стрѣлка) или другое какое либо ¹⁾.

¹⁾ *Rolin-Jacquemyns*, Etude, p. 312. (Revue, № II, 1871).

Какая огромная разница между постановленіемъ брюссельской конференціи и этимъ требованіемъ прусскаго начальства!

Второе условіе вполне подтверждаетъ наше объясненіе перваго условія. На основаніи его не требуется какой-либо мундиръ или извѣстнаго покроя одежда, но только какой либо виѣшній замѣтный знакъ, чтобъ непріятель могъ отличить вооруженнаго врага отъ мирнаго и беззащитнаго населенія. Само собою разумѣется, что это виѣшнее отличіе не только должно быть видно на извѣстномъ разстояніи, но кромѣ того нельзя не требовать, чтобъ оно не было такого свойства, что каждую минуту можно было бы его снять и съ тѣмъ вмѣстѣ претендовать на качество мирнаго и безоружнаго подданнаго непріятельскаго государства. Военный характеръ долженъ быть постоянно и неразрывно связанъ съ личностью защитника отечества, пока она является таковою. Это требованіе находить себѣ подтвержденіе и дополняется третьимъ условіемъ, по которому отъ воюющихъ требуется, чтобъ они открыто носили оружіе. Населеніе, которое то претендуетъ на свой мирный характеръ и требуетъ неприкосновенности, то берется за оружіе имъ скрываемое, не можетъ имѣть правъ воюющей стороны. Честь и нравственный долгъ каждаго защитника отечества требуютъ, чтобъ онъ открыто и лицомъ къ лицу отражалъ непріятеля, а не скрывалъ исполненія патріотическаго своего долга подъ маскою мирнаго и беззащитнаго жителя.

Наконецъ, что касается четвертаго и послѣдняго условія, то оно до такой степени разумно и понятно, что едва ли нуждается въ комментаріяхъ. Если кто либо изъ воюющихъ не соблюдаетъ обязательныхъ для него законовъ и обычаевъ войны, то нельзя требовать соблюденія ихъ отъ противной стороны. Иначе война была бы ничѣмъ инымъ какъ неограниченнымъ никакими правилами или требованіями человѣколюбія взаимнымъ истребленіемъ, бойнею народовъ.

Но это условіе неопровержимо доказываетъ, на сколько каждое европейское правительство обязано принимать цѣлесообразныя мѣры, чтобъ ознакомить не только регулярныя войска, но всѣхъ вообще своихъ подданныхъ, съ правилами, которыми они должны руководствоваться во время войны. Только подъ этимъ условіемъ война, въ особенности если она не ограничивается борьбою регулярныхъ войскъ, можетъ быть поставлена въ извѣстные предѣлы, и бѣдствія не будутъ превышать мѣру необходимаго и неизбѣжнаго.

Наконецъ все исчисленныя условія не могутъ не убѣдить европейскія государства организовать на случай войны свою оборону на основаніяхъ правильныхъ и цѣлесообразныхъ. Не трудно кажется будетъ правительствамъ удовлетворить выставленнымъ конференціею условіямъ, и если народная оборона въ мирное время будетъ устроена съ уваженіемъ къ правамъ и экономическому строю народа, то мы убѣждены, что жизнь тысячъ людей и миліоны рублей будутъ спасены въ случаѣ возникновенія этого несчастія.

Таковы постановленія брюссельской конференціи, обсужденіемъ которыхъ мы пока ограничимся. Теперь по обнародованіи всехъ протоколовъ засѣданій коммисіи и общаго собранія конференціи, общественное мнѣніе имѣетъ полную возможность убѣдиться, въ какой степени конференція исполнила свою задачу: ограничить бѣдствія войны на сколько это допускаетъ неотложная необходимость войны.

Въ настоящей статьѣ, мы сдѣлали попытку выяснитъ задачу брюссельской конференціи и соображенія, которыми, какъ намъ кажется, была вызвана инициатива нашего правительства. Гуманной и возвышенной мысли, которою руководствовалась Россія, другія европейскія державы не могли не отдать полной справедливости. Трудность рѣшенія задачи и невозможность немедленнаго заключенія формальнаго договора между всеми государствами были въ виду съ самаго начала. Общественное мнѣніе, въ нѣкоторыхъ государствахъ, не въ состояніи было уяснитъ себѣ неизмѣримую пользу точнаго опредѣленія законовъ и обычаевъ войны, и потому, ради интереса самого дѣла было нужно узнать возрѣнія и желанія различныхъ народовъ, чтобъ вслѣдъ затѣмъ приступить къ окончательному его разрѣшенію. Такова была задача брюссельской конференціи, и она рѣшила ее вполне удовлетворительно. Послѣ обнародованія ея протоколовъ и составленной деклараціи о военныхъ обычаяхъ и законахъ, общественное мнѣніе Европы имѣетъ возможность высказаться и заявить свои желанія.

Какъ бы ни сложились дальнѣйшія отношенія иностранныхъ державъ къ поднятому Россіею вопросу, правдивость ея политики не можетъ подвергнуться ни малѣйшему колебанію, ни сомнѣнію. Высказавъ твердое свое намѣреніе выяснитъ обязательныя на войнѣ законы и обычаи и пригласивъ все европейскія націи

неустанно преслѣдовать эту цѣль, Россія дѣйствовала въ духѣ вѣковыхъ преданій своей политики. Во всякомъ случаѣ, мы остаемся непоколебимы въ нашемъ задушевномъ убѣжденіи, что брюссельская конференція займетъ почетное мѣсто на страницахъ какъ нашей отечественной исторіи, такъ и международныхъ отношеній и права вообще.

СПбГУ